

ISSN 2411-6122

**СИБИРСКИЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Научный журнал

2016

Выпуск 4 (12)

ISSN 2411-6122

**SIBERIAN CRIMINAL PROCEDURE
AND CRIMINALISTIC READINGS**

Scientific journal

2016

Issue 4 (12)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Ли Гоцян** — профессор, института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- Ван Чжи Хуа** — Председатель института сравнительного правоведения, Китайский политико-юридический университет, г. Пекин, Китай.
- В.А. Азаров** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.
- Е.П. Ищенко** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация.
- Н.П. Кириллова** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.
- Г.А. Василевич** — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Юридического факультета, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь.
- О.И. Андреева** — доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация
- Е.В. Смахтин** — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института государства и права, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А.П. Суходолов** — доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*гл. ред.*)
- А.А. Протасевич** — доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института, заведующий кафедрой криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*зам. гл. ред.*)
- И.В. Смолькова** — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*науч. ред.*)
- И.Г. Смирнова** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Юридического института, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*отв. ред.*)
- Д.А. Степаненко** — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Российский государственный университет правосудия, Восточно-Сибирский филиал, г. Иркутск, Российская Федерация
- В.Н. Китаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- М.С. Дунаева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- Н.Ю. Литвинцева** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация (*выпускающий ред.*)
- Р.В. Мазюк** — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
- О.А. Егерева** — кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Юридического института, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

THE EDITORIAL COUNCIL

- Li Gotsyan** — Professor, Institute of Comparative Jurisprudence, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Wang Zhi Hua** — Chairman of Institute of Comparative Law, Chinese Political and Legal University, Beijing, China.
- Vladimir A. Azarov** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, the Head of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation.
- Evgenii P. Ishchenko** — dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of Criminalistics, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation.
- Natalia P. Kirillova** — dr Sc (law), Professor, the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.
- Grigirii A. Vasilevich** — dr Sc (law), Professor, the Head of Chair of a Constitutional Law of Law Department, the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus.
- Olga I. Andreyeva** — dr Sc (law), the Associate Professor, the Head of Chair of Criminal Procedure, Public Prosecutor's Supervision and Law-Enforcement Activity of Law institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
- Evgenii V. Smakhtin** — dr Sc (law), the Associate Professor, Professor of Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of State and law, University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

THE EDITORIAL BOARD

- Aleksander P. Sukhodolov** — dr Sc (econ.), Baikal State University, Rector, Irkutsk, Russian Federation (*Editor-in-chief*)
- Aleksander A. Protasyevich** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, the Head of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Iraida V. Smolkova** — dr Sc (law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Irina G. Smirnova** — dr Sc (law), Associate Professor, Deputy Director of Law Institute for Science, the Head of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Diana A. Stepanenko** — dr Sc (law), Professor, Deputy Director for Science, Russian University of Justice, Moscow, Russian Federation, Russian University of Justice (East Siberian branch), Irkutsk, Russian Federation
- Valentina N. Kitayeva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Marina S. Dunayeva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Nanalija Yu. Litvintseva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Roman. V. Mazyuk** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
- Olesya A. Egereva** — PhD of Law, the Associate Professor, the Associate Professor of Chair of Criminalistics, Judicial Examinations and Legal Psychology of Law Institute, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

---

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Буфетова М.Ш., Такаландзе И.Д. Профессиональная деятельность адвоката по консультированию и составлению процессуальных документов в уголовном судопроизводстве.....	7
Корнакова С.В. Надзор за соблюдением законности — основная функция прокурора в российском уголовном судопроизводстве.....	16
Мазюк Р.В., Логачёва В.С. Процессуальные действия председателя суда для ускорения рассмотрения дела в уголовном судопроизводстве.....	24
Щербаков В.А. К вопросу о нравственно-правовой сущности категории «справедливость».....	35

КРИМИНАЛИСТИКА

Балко В.И. Классификация сгруппированных видов форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве.....	44
Драпезо Р.Г. Поиск корреляций между типом горючего и поисковыми сведениями о личности убийцы, использующего огонь как орудие (способ) сокрытия преступления	52
Кочнева И.П. Системы акустического мониторинга как средство технико-криминалистического обеспечения профилактики и предупреждения преступлений на объектах социального назначения.....	61
Протасевич А.А., Коршунов А.Ю. Актуальные вопросы преступной инсценировки.....	68
Сахарова Е.Г. Отдельные вопросы производства предварительной проверки и доказывания мошеннических действий в сфере кредитования	74
Щенина Т.Е. Назначение судебно — психологической экспертизы эмоциональных и иных состояний в отношении женщины — преступницы: актуальные проблемы	82

Трибуна молодого ученого

Преловский П.О. Эволюция уголовно-процессуального законодательства, регулирующего право на свободу и личную неприкосновенность.....	91
ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ	102

CONTENT

CRIMINAL PROCESS

Bufetova M.Sh., Takalandze I.D. Professional activity of the lawyer in advising and drafting of procedural documents in criminal proceedings	7
Kornakova S.V. Supervision over compliance with the law — the main function of the prosecutor in russian criminal proceedings.....	16
Maziuk R.V., Logacheva V.S. Procedural actions of the court president to expedite consideration of the case in criminal proceedings	24
Shcherbakov V.A. To the question of moral and legal entity the category «justice».....	35

CRIMINALISTICS

Balko V.I. Classification of grouped kinds of forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings	44
Drapezo R.G. Searching for correlations between the type of fuel and search information about the identity of the killer using fire as a tool (method) the concealment of a crime	52
Kochneva I.P. Systems of acoustic monitoring as means of criminalistics of technics of maintenance of preventive maintenance and the prevention of crimes for objects of social purpose	61
Protasevich A.A., Korshunov A.Y. Current issues of criminal dramatization	68
Sakharova E.G. Selected issues of production preliminary testing of proof of fraud in lending.....	75
Shchenina T.E. The appointment of forensic psychological examination of the emotional and other states in relation to women criminals: an urgent issue	82

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

Prelovskii P.O. The evolution of the criminal-procedural legislation governing the right to liberty and security of person.....	91
--	----

INVITATION TO PUBLICATIONS	102
---	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.1

М.Ш. Буфетова, И.Д. Такаландзе

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА ПО КОНСУЛЬТИРОВАНИЮ И СОСТАВЛЕНИЮ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Важной гарантией обеспечения законных интересов личности является право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Данное положение получило конституционное закрепление в ст. 48 Конституции РФ, в федеральном законодательстве данный вопрос получил весьма поверхностное закрепление. Помимо краткого упоминания в УПК РФ и в Федеральном законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», особенности консультирования защитником в уголовном процессе законом не регулируются. Вместе с тем, консультирование и составление процессуальных документов является неотъемлемой, повседневной частью профессиональной деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве, в связи с чем на практике возникают некоторые проблемы, которые нуждаются в разрешении. В данной статье предпринята попытка анализа данных проблем и предложены пути их решения.

Ключевые слова: адвокат, уголовное судопроизводство, защитник, консультирование по уголовным делам, процессуальные документы.

M.Sh. Bufetova, I.D. Takalandze

PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE LAWYER IN ADVISING AND DRAFTING OF PROCEDURAL DOCUMENTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

An important safeguard of the legitimate interests of the individual is the right of everyone to receive qualified legal assistance. This provision is constitutionally over-fixing in article 48 of the Constitution of the Russian

Federation, Federal legislation, this issue has received very superficial consolidation. Apart from a brief mention in the code of criminal procedure and the Federal law «On advocacy», especially consultations with defence counsel in criminal proceedings by law are not regulated. Together, however, business and preparation of procedural documents is an integral and everyday part of professional activities of a lawyer in criminal proceedings, therefore in practice there are some problems that need to be addressed. In this article attempt of the analysis for these problems and the proposed solutions.

Keywords: lawyer, criminal justice, of the bar of the cat, protector, advice on criminal matters, processual documents.

Основное направление деятельности адвоката — оказание квалифицированной правовой помощи. Право на квалифицированную юридическую помощь представляет собой возможность любого лица получить правовую помощь в рамках уголовного судопроизводства, направленную на защиту или восстановление его прав, свобод и законных интересов, и предусмотренную законодателем. Адвокатура действует прежде всего для людей и в их интересах [1, с. 94; 2, с. 95].

Адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Согласно п. 1 ч. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»¹ (далее — ФЗ «Об адвокатской деятельности»), наиболее распространенным видом правовой помощи, оказываемой адвокатом, являются консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме. Согласно разъяснениям исследователей, «консультации адвоката в уголовном судопроизводстве включают:

– разъяснение содержания и смысла норм закона или иного нормативного правового акта применительно к общественным отношениям, интересующим клиента;

– рекомендации по совершению позитивных действий, основанных на толковании комментируемых норм;

---

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

– предупреждение возможных негативных последствий, наступающих в случае совершения иных, кроме или вместо рекомендуемых действий или воздержания от таковых;

– предложение альтернативных путей решения проблемы, своего рода - медиация;

– побуждение при возникновении или угрозе возникновения конфликтных ситуаций к заключению соглашения на длительное консультативное обслуживание или представительство интересов доверителя в суде или иных органах публичной власти» [3, с. 77; 9, с. 96].

Необходимо отметить, что дача устной или письменной консультации предполагает, что консультируемое лицо в дальнейшем воспользуется полученной информацией и самостоятельно будет реализовывать полученные разъяснения согласно алгоритму, предложенному адвокатом, либо собственному алгоритму. Лицо, получившее консультацию может как придерживаться совета адвоката, так и избрать собственную линию поведения. Письменная форма консультации может иметь немаловажные последствия — позволяет лицу, получившему консультацию обжаловать ее содержание в органы адвокатского сообщества, а при наступлении негативных последствий — и в суд.

На практике у многих практикующих юристов складывается пренебрежительное отношение к консультированию, как части рутинной работы, не требующей высокой квалификации. Вместе с тем, такая линия поведения приводит к потере возможных клиентов, так как зачастую консультация — преддверие более серьезной и глобальной работы. Помимо этого, пренебрежительное отношение к самому распространенному виду юридической помощи. Кроме того, не придавая большого значения этому виду работы, следовательно, и не утруждая себя задачей проанализировать ее после завершения, адвокат не дает оценку эффективности, проделанной им работы и, как следствие, упускает возможность совершенствовать свои профессиональные навыки.

Следует согласиться с мнением А.В. Рагулина, согласно которому «в ч. 3 ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) понятие «консультации» употреблено именно во множественном числе, что указывает на возможность произведения именно неоднократных действий по консультированию в

частности подзащитного» [4, с. 277; 8, с. 140]. В свою очередь, цели любого консультирования адвоката не зависят от указанных выше различий и заключаются в следующих аспектах: дать клиенту исчерпывающую правовую информацию по интересующему его вопросу; выявить и разъяснить клиенту все возможные варианты решения его проблемы; показать вероятные последствия каждого из решений; помочь клиенту выбрать наиболее оптимальное решение; оказать правовую помощь в реализации принятого решения.

Помимо консультирования, деятельность адвоката сопровождается составлением целого ряда документов, которые могут быть составлены адвокатом как в процессе оказания им юридической помощи при производстве по уголовному делу, так и в ходе его участия в других видах адвокатской деятельности. Прежде всего, это ходатайства, жалобы, заявления, замечания, возражения и т.д. Кроме того, Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 160-ФЗ в ФЗ «Об адвокатской деятельности» была введена ст. 6.1, закрепляющая понятие адвокатского запроса, порядок его составления и удовлетворения. При реализации прав, предоставленных ему УПК РФ, адвокат может составлять и другие документы, например, адвокатские запросы, протоколы опроса лиц с их согласия, мировые соглашения и др. Составление и оформление различных как по назначению, так и по содержанию процессуальных документов осуществляется по некоторым общим требованиям (правилам), определенным законом и выработанным практикой. Эти требования касаются оформления и содержания различных документов. УПК РФ, как правило, устанавливает основные атрибуты процессуальных документов и обозначает элементы их содержания.

К любому процессуальному документу, составляемому адвокатом предъявляются не только нормативные но и иные требования. Так, процессуальный документ должен обладать таким качеством как юридическая грамотность, под которой принято понимать не только его соответствие материальным и процессуальным нормам права, но и современная интерпретация и применение правовых институтов.

Немаловажной составляющей процессуального документа, составляемого адвокатом, является язык и стиль изложения. Язык документа должен быть простым, понятным, не изобилуя малоизвестными и устаревшими терминами; содержание документа должно быть изложено логично, по возможности сжато, в деловом стиле; ар-

гументы и факты должны соответствовать выводам и требованиям, изложенным в документе. Несмотря на то, что многие документы включают устоявшиеся обороты речи, а так же пишутся по определенной форме, к составлению любого процессуального документа необходимо подходить индивидуально, избегать шаблонной формы изложения. Не рекомендуется употреблять сложносоставные предложения.

Большинство документов изготавливается с использованием компьютерной техники, возможно использование бланков документов, выполненных типографским способом или при помощи копирующей техники путем частичного рукописного заполнения. Допускаются и рукописные документы. К последним предъявляется такое немаловажное требование как разборчивость почерка. С одной стороны, желательно изготавливать документы печатным способом, что, несомненно, делает делопроизводство аккуратным; с другой стороны, в ряде случаев у адвоката может отсутствовать возможность изготовить документ печатным способом, например, в случае, когда необходимо срочно заявить ходатайство или составить запрос, а так же внести замечания в протокол по следственному действию. Не допустимо использование нецензурных выражений, ругательств, оскорблений, жаргонизмов, архаизмов; недопустимо использовать ярко выраженную эмоциональную окраску излагаемой ситуации.

Порядок оформления и определенное содержание некоторых документов установлены непосредственно уголовно-процессуальным законом. К таковым относятся: ходатайство об исключении доказательства (ст. 235 УПК РФ), апелляционная жалоба (ст. 389.6 УПК РФ), кассационная жалоба (ст. 401.4 УПК РФ) и др. К другим документам уголовно-процессуальный закон таких требований не предъявляет. Вместе с тем, процессуальный документ, составленный с существенным нарушением требований закона относительно его содержания и формы, утрачивают юридическую силу в уголовном судопроизводстве — например, несоблюдение процессуальной формы кассационной жалобы, предусмотренной УПК РФ, является основанием для ее возвращения судьей. Кроме того, без наличия в жалобе на действия (бездействие) и решения должностных лиц и органов в суд определенных данных, по мнению Верховного Суда РФ, изложенному в Постановлении Пленума от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации»¹, суд лишен будет возможности определить, подлежит ли жалоба рассмотрению в порядке ст. 125 УПК РФ, подготовиться к ее рассмотрению, истребовать необходимые документы и пригласить в судебное заседание заинтересованных лиц.

Для некоторых документов так же предусмотрена определенная форма, но при этом, их реквизиты устанавливаются положениями иных законов, например, форма и порядок составления ордера адвоката утверждена Приказом Минюста России от 10 апреля 2013 г. № 47 «Об утверждении формы ордера»². В связи с этим, исследование неразрывного единства формы и содержания юридического документа, составляемого адвокатом приобретает особое значение.

А.В. Рагулин указывает на еще одну проблему, возникающую на практике: определение срока, в течение которого адвокатом-защитником может даваться соответствующая консультация. Из текста ч. 2 ст. 53 УПК РФ следует, что, консультации, даваемые адвокатом-защитником, должны быть краткими, т.е. «непродолжительными по времени». В связи с тем, что точное время, в течение которого эти консультации могут проводиться, в тексте закона не определено, следовательно нередко ограничивают адвоката-защитника во времени при реализации соответствующего профессионального права» [4, с. 277; 5, с. 258; 10, с. 272].

На наш взгляд, сходя из смысла положений, закрепленных в ч. 2 ст. 53 УПК РФ, и значения слова «краткий», следует прийти к выводу о том, что интервал времени, в течение которого производится соответствующая консультация не должен превышать 5-10 минут, однако необходимо подчеркнуть, что адвокату-защитнику не запрещено давать подзащитному в присутствии следователя неоднократные краткие консультации. В связи с этим представляется, что определение времени консультации должно основываться на договоренности между адвокатом-защитником и следователем. При этом, следователь должен

---

¹ О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февр. 2009 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

² Об утверждении формы ордера : приказ Минюста России от 10 апр. 2013 г. № 47 // Российская газета. 2013. 12 апр.

учитывать положения ч. 1 ст. 11 УПК РФ, согласно которой он обязан обеспечивать сторонам возможность осуществления своих прав.

Кроме того, известны случаи, когда органами предварительного расследования текст ч. 2 ст. 53 УПК РФ в части субъектов воспринимается буквально. Позиция тех, кто указывает на возможность дачи адвокатом-защитником консультаций в присутствии лишь только следователя, с формально-юридической точки зрения, также не лишена обоснования. В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ «следователь — должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные УПК РФ». Наряду со следователем производство предварительного расследования в соответствии с положениями УПК РФ вправе осуществлять дознаватель (п. 7 ст. 5 и ст. 41 УПК РФ), начальник подразделения дознания (п. 17.1 ст. 5 и ст. 40.1 УПК РФ), руководитель следственного органа (п. 38.1 ст. 5 и ст. 39 УПК РФ), следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ), руководитель следственной группы (ст. 163 УПК РФ), руководитель группы дознавателей (ст. 223.2 УПК РФ). Все эти лица в ч. 2 ст. 53 УПК РФ не упоминаются, что с формально-юридической точки зрения создает необоснованное препятствие в реализации рассматриваемого права адвоката-защитника при производстве предварительного расследования или следственного действия иным лицом, помимо следователя. Так же следует обратить внимание на позицию И.В. Смольковой и Р.В. Мазюк, согласно которой «процессуальные интересы обвиняемого должны быть не абстрактной, теоретической категорией, а полноценным элементом его процессуального статуса. В этих целях необходимо закрепить в УПК РФ дополнительные гарантии механизма защиты процессуальных интересов обвиняемого в материалах уголовного дела. В настоящее время процессуальные интересы обвиняемого могут проявляться в жалобах и ходатайствах, заявляемых в ходе уголовного судопроизводства. Этого недостаточно. В рамках допроса обвиняемого ему, кроме вопросов, относящихся к существу предъявленного обвинения, должны задаваться вопросы, направленные на определение его процессуальных интересов по уголовному делу: как базового процессуального интереса (например, отношения к возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон), так и процессуальных субинтересов (например, о выборе для обвиняемого меры пресечения). На практике чаще всего это происходит в непроцес-

суальной форме, в виде личной беседы. До тех пор пока интересы обвиняемого не обретут самостоятельную процессуальную форму в материалах уголовного дела, эффективность их защиты в уголовном судопроизводстве будет вызывать сомнения» [6, с. 165; 7, с. 271].

Следовательно, при производстве любым из вышеприведенных лиц следственных действий, адвокат-защитник вправе давать краткие консультации своему подзащитному. Рассматриваемое право должно принадлежать адвокату не только при производстве следственных действий, но и при его участии в иных процессуальных действиях.

Таким образом, консультирование и составление процессуальных документов составляет значительную часть работы адвоката в том числе и в уголовном судопроизводстве при осуществлении функции защиты. Значимость такой работы определяется грамотностью работы адвоката по защите интересов своего доверителя в уголовном судопроизводстве.

Учитывая, что понятие «краткие консультации», используемое в ч. 2 ст. 53 УПК РФ расплывчато, предлагаем конкретизировать данное понятие путем включения в текст статьи временного интервала 5–10 минут, что позволит избежать двусмысленного толкования термина «краткие консультации», а также злоупотребления своими правами как органами предварительного расследования, так и защитником (адвокатом).

Список использованной литературы

1. Закомолдин А. В. Квалифицированная юридическая помощь в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве / А. В. Закомолдин // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2008. — № 2. — С. 28–35.
2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный) / под общ. ред. А. П. Галоганова. — М. : Юркомпани, 2011. — 520 с.
3. Пчелинцев М. И. Защитник в уголовном судопроизводстве: актуальность исследования / М. И. Пчелинцев // Проблемы современной науки и образования. — 2014. — № 7 (25). — С. 77–78.
4. Рагулин А. В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России : монография / А. В. Рагулин. — М. : Юркомпани, 2012. — 544 с.

5. Харзинова В. М. Защитник в уголовном процессе, его взаимоотношение с подозреваемым, обвиняемым / В. М. Харзинова // Бизнес в законе. — 2014. — № 2. — С. 258–260.

6. Смолькова И. В. Законные, незаконные и процессуальные интересы обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве / И. В. Смолькова, Р. В. Мазюк // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10, № 1. — С. 156–169. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).156-169.

7. Уголовно-процессуальное право / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. — М. : Юрайт, 2012. — 476 с.

8. Оводкова Л. С. Об обеспечении права граждан на квалифицированную юридическую помощь / Л. С. Оводкова // Человек: преступление и наказание. — 2013. — № 2. — С. 13–142.

9. Поляков И. В. Современная российская адвокатура: профессиональная и квалифицированная защита прав и свобод граждан / И. В. Поляков // Мир политики и социологии. — 2014. — № 10. — С. 93–97.

10. Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / под ред. И. В. Смолькова, Р. В. Мазюк. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 384 с.

Информация об авторах

Буфетова Марьям Шамильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: maryamf@list.ru

Такаландзе Иракли Дидикоевич — магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Information about the authors

Bufetova, Maryam Sh. — PhD in Law, Associate Professor, Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Law Institute, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: maryamf@list.ru

Takalandze, Irakli D. — Graduate Student of Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Process, Law Institute, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str., 11.

**НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОННОСТИ —
ОСНОВНАЯ ФУНКЦИЯ ПРОКУРОРА
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Статья посвящена рассмотрению вопроса о функциональном назначении деятельности прокурора в российском уголовном судопроизводстве. Дается анализ научных точек зрения на соотношение процессуальных функций прокурора. Делается вывод о приоритетности надзорной функции прокурора, вносятся предложения о совершенствовании уголовно-процессуального закона для конкретизации роли прокурора, как гаранта соблюдения законности в ходе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: функции прокурора, прокурорский надзор, обеспечение законности.

S.V. Kornakova

**SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH THE LAW —
THE MAIN FUNCTION OF THE PROSECUTOR
IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article is devoted to consideration of the functional purpose of a public Prosecutor in the Russian criminal proceedings. The analysis of scientific points of view on the correlation between procedural functions of the Prosecutor. The conclusion about the priority of the oversight function of the Prosecutor, make proposals on improving the criminal procedure law to specify the roles of Prosecutor, as the guarantor of observance of legality during criminal proceedings.

Keywords: functions of the Prosecutor, Prosecutor supervision, law enforcement.

Начиная с 2007 г., уголовно-процессуальный закон претерпел значительные изменения, непосредственно затрагивающие правовую регламентацию процессуальной деятельности прокурора по

надзору за законностью действий и решений органов предварительного расследования. Многочисленность публикаций, посвященных этому вопросу, свидетельствует о том, что законодательные преобразования до сих пор активно обсуждаются и по большей части критикуются юридической общественностью. Основанием для критики в основном являются ослабление прокурорского надзора и снижение эффективности деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса.

Следует отметить, что лежащая в основе законодательных преобразований идея о фактическом, а не формальном разграничении надзора за предварительным следствием и собственно самого следствия обоснованна, и необходимость такого разграничения у большинства ученых не вызывала сомнения [1, с. 126]. Тем не менее, практическая реализация законодательных новелл показала наличие явных проблем в плане защиты прав участников уголовного судопроизводства средствами прокурорского надзора. Следствием преобразований уголовно-процессуального закона, по справедливому мнению С. Хлопушина, стал неоправданный формализм при осуществлении надзора за законностью предварительного расследования, а также еще более возросшая неопределенность в определении приоритетности функций, которыми наделен прокурор в уголовном судопроизводстве [2, с. 9].

Нельзя не признать, что причина трудностей в разрешении вопроса о функциональном назначении деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве связана с неоднозначностью регламентации его полномочий уголовно-процессуальным законом. Так, согласно положениям УПК РФ, прокурор, с одной стороны, является участником уголовного процесса со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ) и его функциями являются осуществление уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ) и процессуального руководства расследованием уголовных дел в форме дознания (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). С другой стороны, согласно ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор обязан осуществлять и надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Поэтому прокурор в уголовном процессе призван осуществлять несколько видов деятельности, чем и обусловлена неоднозначность понимания учеными функционального предназначения его участия в уголовном судопроизводстве. В связи с этим важно остановиться на существовавших и существующих в настоя-

щее время точках зрения ученых на присущие прокурору уголовно-процессуальные функции.

Сторонники первой из них считают, что основной и единственной функцией прокурора в процессе производства по уголовному делу является функция уголовного преследования. В частности, И.Л. Петрухин полагал, что прокурор призван осуществлять публичное преследование, быть только обвинителем, а обвинительная власть не может осуществлять надзор [3, с. 82].

В подобных утверждениях, на наш взгляд, упускается из виду, что деятельность прокурора регламентируется не только уголовно-процессуальным законом, но и Законом «О прокуратуре Российской Федерации»¹, согласно ст. 1 которого основной функцией прокуратуры является осуществление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на ее территории.

Представители второй точки зрения, напротив, считают основной и единственной функцией прокурора надзор за соблюдением законности в ходе уголовного судопроизводства [4, с. 40]. Так, М.С. Строгович подчеркивал, что «в уголовном процессе прокурор является тем же, кем он является во всех областях своей деятельности, — блюстителем законности, стражем закона. Но эту свою основную и общую задачу прокурор осуществляет в уголовном процессе в особых формах, специфическими методами» [5, с. 188].

Сторонники третьей позиции считают функции надзора и процессуального руководства предварительным расследованием производными от обвинительной функции прокурора. Как отмечал И.Я. Фойницкий, «несмотря на чрезвычайно широкий объем заботы об охране закона, лежащей на прокуратуре, в деятельности ее преимущественное значение имеет другая сторона — обвинительная» [6, с. 112–113], поэтому, с точки зрения представителей данного подхода, «осуществление прокурором надзора за деятельностью органов предварительного расследования есть деятельность, осуществляемая в рамках функции обвинения» [7, с. 6–7].

---

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

По мнению четвертой группы ученых, прокурор «совмещает глубоко процессуальную функцию уголовного преследования и государственно-правовую по своему происхождению функцию надзора за соблюдением законов» [8, с. 132], поэтому функции надзора и уголовного преследования являются равноценными в деятельности прокурора в российском уголовном процессе. Данное представление о предназначении деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве является традиционным и соответствует смыслу судебных уставов от 20 ноября 1864 г. Видный российский государственный деятель Н.В. Муравьев отмечал в это связи, что «прокурорский надзор есть государственное установление Судебного ведомства, призванное, *во-первых*, обличать или преследовать преступление перед уголовным судом и, *во-вторых*, — наблюдать в судебной сфере за охранением законов» [9, с. 16].

Приведенное разнообразие подходов к определению назначения деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве показывает, что до сих пор проблема соотношения видов деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве не нашла своего разрешения. Между тем, является очевидным, что ее решение имеет принципиальное значение, поскольку содержание и объем полномочий прокурора, как и иных должностных лиц, являющихся участниками уголовного процесса, определяют не только их процессуальный статус, но и особенности выполняемых ими задач.

А.Ф. Смирнов в этой связи верно указывает, что лишь логически обоснованное соотношение функций прокурора позволит правильно определить эффективную структуру и пределы его участия в уголовном судопроизводстве. Анализируя термин «функция», указанный автор выделяет два его значения, первое из которых связано с тем, что под функцией понимается предназначение того или иного органа в механизме государства, а значит, позволяет сформулировать ответ на вопрос, для чего прокуратура создана и действует. Второе — с пониманием видов деятельности государственного органа, но не любых его действий, а сопряженных с его целевой направленностью, поскольку любая функция подчинена цели и работает на нее [10, с. 69–70]. Исходя из этого, думается, что основным предназначением процессуальной деятельности прокурора должен быть надзор за соблюдением законности в ходе уголовного

судопроизводства [11, с. 148], поэтому приоритетной должна являться его надзорная функция.

В связи с этим заслуживает поддержки позиция ученых, считающих, что «формулировку УПК РФ, в которой указано, что главная функция прокурора в уголовном судопроизводстве — осуществление от имени государства уголовного преследования в ходе уголовного судопроизводства, следовало бы, с учетом назначения деятельности прокурора, изменить на формулировку «осуществлять от имени государства надзор за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства» [12, с. 88].

Думается, что такое предложение не лишено рациональных оснований. Более того, следует согласиться и с мнением А.Ф. Смирнова, о необходимости исключения прокурора из числа участников со стороны обвинения и наделения его «статусом представителя государства, обеспечивающего верховенство закона, единство и укрепление законности, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [10, с. 71].

Что касается функций уголовного преследования и процессуального руководства расследованием, то, учитывая положения ч. 2 ст. 21 УПК РФ, вменяющей в обязанность прокурора в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица, лиц, виновных в совершении преступления, эти функции обусловлены основной надзорной функцией, соподчинены ей, а потому являются дополнительными функциями прокурора.

В связи с изложенным правомерным представляется вывод Е.Д. Болтошева о том, что прокурор в досудебных стадиях уголовного судопроизводства является, в первую очередь, лицом, надзирающим за процессуальной деятельностью субъектов, осуществляющих расследование по уголовному делу, и лишь в случаях их бездеятельности и, когда это вызвано необходимостью предупреждения, выявления и устранения нарушений закона и прав граждан со стороны органов предварительного расследования, прокурор может и должен вмешиваться в их процессуальную деятельность, осуществляя функцию уголовного преследования [13, с. 10].

Кроме этого, по мнению ряда ученых, прокурор не только в досудебных стадиях, но и в суде не выполняет функцию обвинения.

Так, А.С. Барабаш, выражая сомнение в справедливости утверждения о том, что прокурор идет в суд как обвинитель, приводит весьма убедительные аргументы. По его мнению, «позиция юриста по определенному вопросу может базироваться только на внутреннем убеждении, а оно формируется при реализации принципа непосредственности исследования доказательств... Анализ познавательной деятельности прокурора в рамках предварительного расследования позволяет утверждать, что в суд прокурор идет как представитель органа надзора и его позиция в конце судебного разбирательства определяется тем, к какому выводу он придет, участвуя в исследовании доказательств в судебном следствии» [14, с. 9].

В. В. Стрельников также полагает, что, даже утверждая обвинительное заключение или акт, прокурор не осуществляет функцию уголовного преследования, поскольку, визируя эти процессуальные документы, он, прежде всего, «исходит из позиций законности и обоснованности действий следователя или дознавателя по уголовному делу. Проверке подлежат только процессуальные аспекты, соответствие всех документов и материалов, собранных в результате следствия и дознания, требованиям УПК РФ» [15, с. 68]. Такой же позиции придерживаются С.П. и П.С. Ефимичевы, которые считают, что и утверждение обвинительного заключения, и произнесение обвинительной речи в суде есть реализация прокурором функции надзора, а направление уголовного дела в суд отнюдь не является его требованием к осуждению [16, с. 61–62].

Трудно отрицать справедливость приведенных утверждений. Поэтому именно через призму обеспечения законности должна рассматриваться деятельность прокурора в ходе уголовного судопроизводства: прокурор должен вмешиваться в процесс расследования уголовного дела с единственной целью — предупреждения, выявления и устранения нарушений закона.

В связи с этим представляется целесообразным внесение изменений в уголовно процессуальный закон, которые могут заключаться в следующем:

- 1) статью 37 «Прокурор» перенести в гл. 5, название которой изменить на «Участники уголовного судопроизводства со стороны государства»;
- 2) статью 29 назвать «Суд»;
- 3) часть 1 ст. 37 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства надзор за соблюдением законодательства в ходе уголовного судопроизводства».

Представляется, что предложенные изменения будут способствовать необходимой конкретизации роли и назначения прокурора в уголовном судопроизводстве, делая акцент на приоритетности его надзорной функции.

Список использованной литературы

1. Андриянов В. Н. Новые направления деятельности прокуратуры России в современных условиях: проблемы и перспективы / В. Н. Андриянов // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 2 (57). — С. 125–128.

2. Хлопушин С. Применение УПК после внесения изменений / С. Хлопушин // Законность. — 2008. — № 4. — С. 9–13.

3. Петрухин И. Л. Судебная власть и расследование преступлений / И. Л. Петрухин // Государство и право. — 1993. — № 7. — С. 81–91.

4. Буглаева Е. А. О новых полномочиях прокурора в досудебном производстве / Е. А. Буглаева, С. В. Тетюев // Российская юстиция. — 2010. — № 1. — С. 40–42.

5. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса / М. С. Строгович. — М. : Наука, 1968. — Т. 1. — 469 с.

6. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий. — Изд. 3-е, доп. — СПб. : Сенат. Тип., 1902. — Т. 1. — 515 с.

7. Ягофаров Ф. М. Механизм реализации функции обвинения при рассмотрении дела судом первой инстанции : автореф. ... канд. юрид. Наук : 12.00.09 / Ф. М. Ягофаров. — Челябинск, 2003. — 22 с.

8. Смирнов А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / К. Б. Калиновский, А. В. Смирнов ; под общ. ред. А. В. Смирнова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009. — 992 с.

9. Муравьев Н. Задачи прокурорского надзора / Н. Муравьев // Журнал Гражданского и Уголовного права. — 1884. — Кн. седьмая. — С. 1–66.

10. Смирнов А. Ф. О системе функций прокурора в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / А. Ф. Смирнов // Вестник Российской правовой академии. — 2013. — № 1. — С. 67–71.
11. Андриянов В. Н. Контрольная власть в системе разделения властей и ее реализация в современной России / В. Н. Андриянов // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 1 (75). — С. 146–150.
12. Железняк Н. С. Процессуальное положение прокурора в рамках предварительного следствия / Н. С. Железняк, О. Г. Иванова // Правовая политика и правовая жизнь. — 2012. — № 2. — С. 84–88.
13. Болтошев Е. Д. Функции прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е. Д. Болтошев. — М., 2002. — 189 с.
14. Барабаш А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Барабаш. — Красноярск, 2006. — 48 с.
15. Стрельников В. В. К вопросу об осуществлении прокуратурой уголовного преследования / В. В. Стрельников // Право и безопасность. — 2012. — № 1 (41). — С. 64–69.
16. Ефимичев С. П., Функции в уголовном процессе: понятие, сущность, значение / С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев // Журнал российского права. — 2005. — № 7. — С. 56–65.

Информация об авторе

Корнакова Светлана Викторовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

Information about the author

Kornakova Svetlana V. — PhD in Law, Associate Professor, Senior Assistant Professor of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Law Institute, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str., 11, e-mail: Svetlana-kornakova@yandex.ru.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СУДА ДЛЯ УСКОРЕНИЯ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ*

В статье рассматриваются проблемы реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства в части полномочий председателя суда по ускорению рассмотрения дела. Анализ научных точек зрения, позиции Верховного Суда РФ позволяет констатировать, что председатель суда на практике, кроме установления срока проведения судебного заседания по делу, процессуально не может воздействовать на судью для ускорения рассмотрения им уголовного дела, так как это нарушало бы принцип независимости судей. Имеющиеся в распоряжении председателя суда возможности оказания влияния на срок рассмотрения дела носят организационный характер. В связи с этим авторы данной статьи предлагают указать в ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ на применение для ускорения рассмотрения дела не только процессуальных, но и организационных действий, а также предусмотреть в тексте уголовно-процессуального закона их исчерпывающий перечень.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства, скорый суд, затягивание процесса, судебная волокита, срок судебного разбирательства.

R.V. Maziuk, V.S. Logacheva

PROCEDURAL ACTIONS OF THE COURT PRESIDENT TO EXPEDITE CONSIDERATION OF THE CASE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines problems of implementation of the principle of reasonable term of criminal proceedings in the part of the powers of the

---

* Издается при финансовой поддержке проекта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014–2016 гг. в сфере научной деятельности (№ задания 29.1247.2014/К).

President of the court to expedite consideration of the case. The analysis of scientific points of view, the position of the Supreme Court of the Russian Federation allows to state that the President of the court in practice, besides establishing a date for a court session on the case, the procedure may not influence the judge to expedite its consideration of the criminal case, as this would violate the principle of judicial independence. Available to the court President the possibility of influencing the period of case consideration are organizational in nature. In this regard, the authors of this article propose to specify in section 6 of article 6.1 of the code on the application to expedite consideration of the case not only procedural, but also institutional actions, as well as to provide in the text of the criminal procedure law an exhaustive list.

Keywords: a reasonable period of criminal proceedings, speedy trial, delaying the process, judicial red tape, the length of proceedings.

Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ¹ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) была введена ст. 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства». Тем самым в УПК РФ был закреплен новый принцип уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что еще дореволюционный процессуалист Л.Е. Владимиров обоснованно полагал, что «интересы государства, общества и личности одинаково требуют, чтобы уголовные дела решались, по возможности скоро. Как бы ни были недостаточны доказательства для вполне удовлетворяющего суд восстановления прошлого события, расследование дела все же не может быть ведено бесконечно, в надежде, что дело с течением времени выяснится лучше и полнее» [1, с. 147]. А ученые советского периода указывали на наличие принципа быстроты уголовного судопроизводства, который они видели в установлении сроков производства по уголовному делу [2, с. 43].

В качестве гарантий реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства законодателем были разработаны следующие средства защиты: 1) предупредительные (или превентивные),

---

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : федер. закон от 30 апр. 2010 г. № 69-ФЗ (в ред. от 28 июня 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

закрывающиеся в возможности участников уголовно-процессуальных отношений в случае затягивания производства по уголовному делу обратиться к прокурору, руководителю следственного органа с жалобой либо к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела (ч. 5 ст. 6, ч. 2 ст. 123 УПК РФ); 2) компенсаторные, предусматривающие право на получение компенсации в случае нарушения разумного срока досудебного производства по уголовному делу либо разумного срока уголовного судопроизводства в целом (ч. 5–7.2 ст. 3 ФЗ о компенсации); 3) дисциплинарные, содержащиеся в специальном законодательстве о правовом статусе дознавателей, следователей, прокуроров, судей и предусматривающие возможность привлечения их к дисциплинарной ответственности за нарушение своих должностных обязанностей, в том числе, обязанности соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства [3, с. 48–49].

В этой связи положения ч. 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ предусматривают предупредительные средства защиты от нарушения данного принципа на стадии судебного разбирательства, что является новеллой для российского уголовно-процессуального законодательства. Эти средства включают в себя право заинтересованного лица на обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела. Такого рода заявление может быть подано заинтересованным участниками судебного разбирательства, если после поступления уголовного дела в суд дело длительное время не рассматривается или его рассмотрение затягивается. Председатель суда должен приступить к рассмотрению данного заявления в срок не позднее 5 суток со дня его поступления. По итогам рассмотрения заявления председатель суда выносит мотивированное постановление, в котором им может быть установлен срок проведения судебного заседания по делу и (или) могут быть приняты иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела.

Нельзя не отметить, что схожие по своему процессуальному значению положения о роли председателя суда в обеспечении «ско-рого суда» содержались еще в Учреждении судебных установлений 1864 г., которыми на председателя суда возлагалась обязанность следить за быстротой дела в судебном производстве, принимать меры к его ускорению (ст. 251), а у министра юстиции было полномочие возбуждать дисциплинарное производство в случаях, когда «накопление дел или медлительность в движении оных произошли от неисправно-

сти самого судебного установления» (ст. 259). Предпринятые усилия российских реформаторов, по справедливому мнению С.В. Бурмагина, поначалу сгладили остроту проблемы, однако в конечном итоге не привели к желаемому эффекту [4, с. 98].

По статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015 год в суды было подано 498 заявления об ускорении рассмотрения дела по уголовным делам (для сравнения — в 2014 году было подано 318 заявлений)¹, что свидетельствует о невысокой эффективности данного процессуального института и в наше время.

Следует отметить, что предварительное обращение к председателю суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, в соответствии с п. 20 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»² является необходимым и обязательным условием для последующего обращения участника уголовного судопроизводства в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. В случае если лицо предварительно не обращалось с таким заявлением или жалобой, суд возвращает заявление о присуждении компенсации за нарушение разумного срока судебного разбирательства. Данное указание, соответственно, наделяет процедуру подачи заявления об ускорении дела еще большей значимостью и делает ее важным этапом на пути к разрешению вопроса судебной волокиты.

К сожалению, в рассматриваемой правовой норме полномочия председателя суда по ускорению рассмотрения дела представлены крайне неопределенно. Законодатель, который весьма четко и последовательно регламентировал полномочия каждого участника уголовного судопроизводства, по какой-то непонятной причине вскользь упомянул о полномочиях данного должностного лица, возложив на него совершенно новую функцию, не пояснив, каким образом ему следует приводить ее в исполнение.

---

¹ Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2015 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3383>.

² Российская газета. 2016. 6 апр.

Более того, как справедливо отметили В. А. Азаров и Д. Г. Рожков, текст закона не дает четкого ответа на вопрос об устанавливаемом председателем сроке проведения судебного заседания — определяет ли он точную дату проведения судебного разбирательства либо же предлагает судье временной период, в течение которого судебное разбирательство должно быть окончено [5, с. 148].

В связи с этим среди научных деятелей ведется дискуссия относительно «набора» таких полномочий у председателя суда. Так, С.А. Пашин видит в появлении новой функции у данного субъекта нарушение принципа независимости судей. Председатель суда, по его мнению, «получив заявление стороны об ускорении рассмотрения дела, наделяется теперь правом своим постановлением установить срок проведения судебного заседания по делу и даже принять «иные процессуальные действия для ускорения рассмотрения дела». Между тем дело находится в производстве совсем другого судьи, которому и принадлежит процессуальная власть» [6, с. 5].

Действительно, в ч. 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ содержится, по сути, скрытое положение о процессуальной подчиненности председательствующего по уголовному делу судьи перед председателем суда. Если проанализировать иные нормы УПК РФ, можно обнаружить, что председатель суда упоминается в тексте уголовно-процессуального закона только в части выполнения им организационных функций, разрешения некоторых вопросов подсудности, а также в рамках процедуры возбуждения производства по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений. С появлением же рассматриваемой статьи законодатель закрепил в УПК РФ подотчетность и подчиненность судьи председателю суда.

С одной стороны, такое решение имеет положительную сторону, ведь независимый суд не есть суд бесконтрольный, и некоторые меры воздействия на судей, недобросовестно относящихся к своим обязанностям, а иногда и злоупотребляющих ими, должны быть законодательно предусмотрены. Причем эти меры должны быть не столько дисциплинарного характера, предусмотренные законодателем с целью привлечения судьи к ответственности, сколько процессуального характера, направленные на создание гарантий соблюдения судом прав участников судопроизводства.

С другой стороны, очевиден тот факт, что независимость суда есть один из главных факторов, гарантирующих демократическое судо-

производство, в котором в первую очередь соблюдаются права и свободы человека. С.А. Пашин совершенно справедливо по этому поводу отмечает: «В итоге... председатель вправе преследовать судей (обратившись в квалификационную коллегию) за то, что они не соблюдают сроки рассмотрения дела, установленные им самим» [7, с. 23].

Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что законодательные нормы, предоставляющие председателю суда полномочия по ускорению рассмотрения дела в порядке ч. 5 и 6 ст. 6.1 УПК РФ, следует считать существенным ограничением действия принципа независимости судей. Даже посредством принятия Верховным Судом РФ Постановления Пленума от 29 марта 2016 г. № 11, как представляется, ему не удалось полностью восполнить законодательные пробелы в части процессуального механизма по ускорению рассмотрения дела. Что самое немаловажное, ряд его положений противоречит конституционным принципам правосудия, а также нормам УПК РФ и Закона о статусе судей.

Так, в п. 22 данного Постановления Пленума указано о возможности председателя суда истребовать от судьи, в производстве которого находится дело, в связи с которым подано заявление об ускорении, информацию о движении дела. Это положение абсолютно противоречит ч. 2 ст. 10 Закона о статусе судей¹, в соответствии с которой судья вообще не обязан давать какие-либо пояснения по существу рассмотренных или находящихся в производстве дел, а также представлять право кому-либо ознакомиться с ними.

Необходимо отметить в этой связи, что Европейский суд по правам человека придерживается четкой позиции, согласно которой независимость судей требует, чтобы они были свободны от ненадлежащего и необоснованного влияния как со стороны несудебных органов, так и в рамках судебной системы; свободны от указаний и давления со стороны других судей и вышестоящих судебных органов².

В научной литературе также отмечается, что в законе отсутствует указание на круг заинтересованных лиц, которые могут обратиться к

---

¹ О статусе судей в Российской Федерации : федер. закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 28 нояб. 2015 г.) // Российская газета. 1992. 29 июля.

² Хрыкин против Российской Федерации : постановление ЕСПЧ от 19 апреля 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 3. С. 128–136.

председателю суда с соответствующим заявлением об ускорении рассмотрения дела [3, с. 117; 8, с. 117]. Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Удмуртской Республики признала законным отказ председателя Глазовского городского суда в принятии заявления прокурора, выступающего по уголовному делу в качестве государственного обвинителя, об ускорении рассмотрения данного дела, указав в своем кассационном определении, что «по смыслу закона прокурор в уголовном судопроизводстве не имеет интереса, позволяющего определить как лицо, заинтересованное, в смысле, придаваемом данному лицу в ст. 6.1 УПК РФ. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, содержащимися в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», с заявлением об ускорении к председателю суда могут обратиться лица, имеющие право на подачу заявления о присуждении компенсации»¹. Однако нельзя по этому поводу не согласиться с Е.В. Богословской, которая логично полагает, что, «если исходить из буквального толкования закона, прокурор может обратиться с подобным заявлением, поскольку у него имеется заинтересованность в своевременном восстановлении социальной справедливости, соблюдении прав всех участников процесса и сроков уголовного преследования» [8, с. 117].

Положительным моментом данной нормы, однако, по мнению И.П. Поповой, является законодательная регламентация формы решения председателя суда в виде постановления, при этом единственным требованием к его содержанию является требование мотивированности. Однако изложение мотивов принятого решения предполагает не только возможность сторонам, заинтересованным лицам (следуя терминологии законодателя) ознакомиться с основаниями принятого решения, но и возражать приведенным в постановлении доводам председателя суда путем обжалования, с последующей проверкой принятого решения вышестоящим судом. Требованиям к форме и мотивированности постановления председателя суда не корреспондиру-

---

¹ Кассационное определение по уголовному делу № 22-706 от 29 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. URL : <http://судебныерешения.рф/bsr/case/373805>.

ет возможность проверки его вышестоящим судом, что, в свою очередь, влечет нарушение права обжалования процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ). Законодатель не предусмотрел последствия и ответственность за невыполнение либо выполнение не в полном объеме постановления председателя суда об ускорении рассмотрения дела [3, с. 117–118].

Помимо этого, в ст. 6.1 УПК РФ не закреплена и конкретная перечень мер, которые, по версии законодателя, имеет право выполнить председатель суда в целях обеспечения разумного срока судопроизводства. Полномочия суда по принятию «иных процессуальных действий для ускорения рассмотрения дела» совершенно не раскрываются законодателем. В законе отсутствуют какие-либо упоминания о процессуальных действиях, которые можно было бы произвести председателю суда.

В этой связи представляют интерес результаты проведенного И.В. Малофеевым в рамках своего диссертационного исследования анкетирования государственных обвинителей различного уровня, согласно которым на практике, кроме установления срока заседания, принимаемого в 18 % случаев, встречались такие меры, как: уменьшение количества дел, находившихся на рассмотрении данного судьи (21 %) и дача устных указаний судье об ускорении рассмотрения дела в ходе проводимой с судьей «беседы» (61 %) [9, с. 132].

Этот законодательный недочет попытались устранить принятием упомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11. Так, в п. 23 указано, что председатель суда, в частности, вправе обратить внимание судьи на необходимость принятия мер к оперативному извещению лиц, участвующих в деле, получению доказательств, истребованных судом, осуществлению контроля за сроками проведения экспертизы, возобновлению производства по делу в случае устранения обстоятельств, вызвавших его приостановление.

При этом в указанном постановлении также отмечено, что при избрании председателем суда конкретных мер, необходимых для ускорения рассмотрения дела, следует учитывать недопустимость нарушения принципов независимости и беспристрастности судей. В связи с этим председатель суда не вправе, в частности, назначать экспертизу, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств

перед другими, о том, какое решение должно быть принято судом при рассмотрении дела, а также совершать иные действия, направленные на вмешательство в деятельность судьи по осуществлению правосудия по конкретному делу.

По обоснованному мнению В.А. Азарова и Д.Г. Рожкова, у председателя суда для ускорения рассмотрения дела, чтобы при этом не нарушался принцип независимости судей, есть возможность принять организационные меры, к которым можно отнести «перераспределение нагрузки внутри суда, предоставление судье дополнительных помощников из штата аппарата суда, освобождение судьи от общественных обязанностей и т.п.» [5, с. 149].

Но даже эти меры, перечисленные в Постановлении Пленума и предлагаемые в науке уголовно-процессуального права, относятся к организационным, нежели являются процессуальными. Так что вопрос о том, какие же иные процессуальные действия должен осуществлять председатель суда в целях ускорения рассмотрения дела, остается открытым.

Следует также обратить внимание на то, что полномочия председателя суда частично раскрыты в ст. 6.2 Закона о статусе судей. Так, председатель суда организует работу суда, распределяет обязанности между судьями, осуществляет общее руководство деятельностью аппарата суда и осуществляет иные полномочия по организации работы суда. Иными словами, в статье, опять же, перечислены лишь организационные, а не процессуальные полномочия председателя суда.

Наконец, немаловажным, как отмечает И.В. Малофеев, является то, что в процедуре ускорения рассмотрения дела можно увидеть определенную аналогию с мерами ведомственного контроля, принимаемого в отношении следователя (дознателя). Однако закон предоставляет должностным лицам органов расследования механизм, позволяющий отстаивать свою позицию путем обжалования указаний. Трудно согласиться с обоснованностью законодательного подхода, согласно которому процессуальная самостоятельность следователя или дознавателя в вопросах сроков рассмотрения дела оказывается в большей степени защищенной, нежели судьи, лишенного возможности обжаловать решение председателя суда, принятого в соответствии с ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ [10, с. 31].

Таким образом, анализ норм УПК РФ, Закона о статусе судей, а также Постановления Пленума Верховного суда от 29 марта 2016 г.

№ 11 не дает нам четкого представления о процессуальной деятельности председателя суда в целях ускорения судебного разбирательства по уголовному делу. Так, к процессуальным полномочиям председателя суда по ускорению уголовного судопроизводства можно отнести лишь установление периода времени, в течение которого должно быть рассмотрено дело, остальные фактически осуществляемые им действия относятся к организационным. Поэтому полагаем, что ч. 6 ст. 6.1 УПК РФ необходимо изменить, указав в ней после слов «могут быть приняты» следующее: «иные процессуальные и организационные действия». Кроме того, как справедливо отмечает Ю.В. Виниченко, «оценочный характер категории «разумность» изначально предполагает детализацию общего нормативного предписания, его преломление через призму индивидуальных особенностей самих участников данного отношения, а также характера их взаимосвязи. Исходя из этого разумность в числе иных оценочных понятий можно рассматривать как нормативную предпосылку индивидуального правового регулирования» [11, с. 176]. Такое индивидуальное правовое регулирование в тексте УПК РФ для устранения неопределенности и неясности в полномочиях председателя суда в рамках принципа разумного срока уголовного судопроизводства следует осуществить путем закрепления исчерпывающего перечня таких процессуальных и организационных действий, что позволит избежать проблем при применении анализируемых норм в практической деятельности судов.

Список использованной литературы

1. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная / Л. Е. Владимиров. — 3-е изд. — СПб. : Изд-во кн. маг. «Законоведение», 1910. — 440 с.
2. Барыгина А. А. К вопросу о нарушении прав потерпевшего на судопроизводство в разумный срок / А. А. Барыгина // Российская юстиция. — 2015. — № 4. — С. 43–46.
3. Принципы современного российского уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. И. В. Смолькова. — М.: Юрлитинформ, 2015. — 384 с.
4. Бурмагин С. В. Воплощение идеала «скорого суда» в реформах уголовного правосудия / С. В. Бурмагин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. — 2015. — № 3. — С. 96–103.

5. Азаров В. А. Обеспечение разумного срока уголовного судопроизводства в суде первой инстанции / В. А. Азаров, Д. Г. Рожков. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. — 200 с.
6. Пашин С. А. Компенсация за волокиту: перспективы применения / С. А. Пашин // ЭЖ-Юрист. — 2010. — № 20. — С. 5–10.
7. Пашин С. А. Нормы УПК РФ о разумном сроке судопроизводства умаляют независимость суда / С. А. Пашин // Уголовный процесс. — 2010. — № 12. — С. 22–25.
8. Богословская Е. В. Скорый суд в разумный срок / Е. В. Богословская // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2014. № 3 (41). — С. 113–118.
9. Малофеев И. В. Разумный срок как принцип уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. В. Малофеев. — М., 2014. — 217 с.
10. Малофеев И. В. Проблема реализации полномочий председателя суда по обеспечению разумного срока уголовного судопроизводства / И. В. Малофеев // Адвокат. — 2013. — № 5. — С. 29–32.
11. Виниченко Ю. В. К вопросу о разумности в контексте проблемы индивидуального правового регулирования / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 6 (80). — С. 175–178.

Информация об авторах

Мазюк Роман Васильевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: marova@mail.ru.

Логачёва Вероника Сергеевна — магистрант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: Nica_nox@inbox.ru.

Information about the authors

Maziuk, Roman V. — PhD in Law, Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal State University, 664003, Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: marova@mail.ru.

Logacheva, Veronika S. — magister student of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure Department, Law Institute, Baikal National University, 664003, Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: Nica_nox@inbox.ru.

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ КАТЕГОРИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

В статье предпринята попытка исследования категории «справедливость» посредством рассмотрения подходов ученых-правоведов к определению ее содержания и соотношения с правом. Предложен авторский подход к рассмотрению соотношения права и справедливости. Рассмотрена сущность справедливости как нравственной и правовой категории. Делается вывод о приоритете нравственной идеи справедливости над юридической.

Ключевые слова: справедливость, принципы права, право, закон.

V.A. Shcherbakov

TO THE QUESTION OF MORAL AND LEGAL ENTITY THE CATEGORY «JUSTICE»

In article attempt of research of the category "justice" through the review of approaches of legal scholars to definition of content and the relationship with the right. The author's approach to considering the relationship between law and justice. We consider the nature of justice as both a moral and legal category. The conclusion about the priority of the moral ideas of justice over law.

Keywords: justice, the principles of law, right, law.

К категории справедливости в том или ином контексте обращался практически каждый исследователь проблем уголовного судопроизводства. Анализ различных точек зрения показал неоднозначность, а иногда и противоположность, подходов ученых-юристов к проблеме справедливости, характеристике ее содержания, свойств, критериев и средств достижения. Более того, в юридической литературе встречаются мнения о том, что задача выразить содержание справедливости, определить ее критерии в рамках уголовно-процессуального закона относится к разряду невыполнимых [1, с. 15; 2, с. 75].

Такой разброс мнений отнюдь не случаен и обусловлен, по всей видимости, тем, что известное с древности понятие справедливости, как определенной характеристики взаимоотношений людей, до сих пор не имеет устоявшейся однозначной дефиниции. Это подтверждается наличием многочисленных попыток определения данного понятия, предпринимаемых в словарях, научных исследованиях и иных источниках. Так, например, в юридическом словаре Блэка одно из значений понятия «справедливость» — это «дух и плоть честности, точность и также корректное поведение, которым регулируются взаимоотношения между людьми» [3, с. 540]. В современном толковом словаре русского языка справедливость определяется как «беспристрастное, справедливое отношение к кому, чему-либо»; «соответствие человеческих отношений, законов, порядков нормам, требованиям» [4]. Согласно философскому энциклопедическому словарю, в современной этике ценностей справедливость «состоит в том, чтобы быть справедливым по отношению к чужой личности как таковой...» [5, с. 435].

Нетрудно заметить тавтологичность приведенных определений, где, во-первых, справедливость определяется через справедливое отношение и, во-вторых, через соответствие законов, порядков нормам, тогда как законы — это тоже нормы.

Некоторые ученые утверждают, что справедливость — это форма общественного сознания [6, с. 3]. Подобная позиция весьма уязвима, хотя бы потому, что обычно выделяют пять форм общественного сознания: искусство, нравственное сознание (мораль), правосознание (право), наука (в том числе философия) и религия. Формы сознания отличаются друг от друга тем, в каких категориях происходит отражение в сознании объективной реальности и выражение отношения к отраженному — с точки зрения морали, права, науки и т.д. Субъект познания, отражая в сознании происходящее, одновременно оценивает, выражает к нему свое отношение, и в соответствии с этой оценкой принимает решение действовать определенным образом [7, с. 12–13]. Поэтому категория справедливости, являясь одной из основных категорий нравственного сознания, наряду с такими категориями, как благо, счастье, долг, свобода и т.д., полностью его исчерпать не может.

Следует отметить, что зачастую ученые-юристы, обращаясь к категории справедливости, не столько пытаются дать ей однозначное определение, сколько делают попытки объяснить данное понятие, раскрыть его содержание посредством примеров из различных видов

общественных отношений, деятельности человека, показать свое видение содержания этого понятия. Так, например, по мнению некоторых ученых, «справедливость — это центральная звезда, управляющая обществами, ось, вокруг которой вращается весь политический мир, принцип и правило всех договоров» [8, с. 105]. Профессор Н.А. Колоколов пишет о «доступном нашему чувственному восприятию образе справедливости», под которой он понимает «объективно существующее явление, которое каждому из нас дается в чувственном опыте уже с рождения» [9, с. 21]. Справедливость, по его мнению, — это «независимая от общества самостоятельная и сравнительно устойчиво работающая машина», «потенциальная мощь, сила, воля», «необъяснимый чудесный дар».

Представляется, что, приведенные суждения демонстрируют лишь собственное видение авторами значения категории справедливости, но отнюдь не приближают к пониманию ее сущности. Более того, отнесение справедливости к независимому от общества объективно существующему явлению вряд ли оправданно. В этой связи З.В. Макарова правомерно ставит вопрос о том, существует ли справедливость вообще как таковая, приводя по этому поводу слова Экзюпери: «Я знаю справедливых людей, но не справедливость. Свободных людей, но не свободу. Влюбленных, но не любовь. Точно так же, как я не знаю ни красоты, ни счастья, а только счастливых людей и прекрасные произведения» [10, с. 54].

Действительно, справедливость является абстрактным понятием, которые, как известно, отражают свойства, качества, отношения между предметами [11, с. 16], поэтому не может проявляться сама по себе, но лишь в том или ином явлении, решении, действии человека. Справедливость всегда социальна, поскольку вне социума, общества справедливости нет и быть не может. З.В. Макарова верно подчеркивает, что справедливым может быть только человек, что, в конечном счете, существование справедливости зависит от человека, и особенно в правовой сфере, где и законы и их соблюдение полностью зависят от конкретных людей, их решений и действий [10, с. 54]. Это, во-первых. Во-вторых, справедливость — это не сами общественные отношения, как считает Н.А. Колоколов [9, с. 23], а их оценка с точки зрения соответствия представлениям людей о должном. Другими словами, оценка на предмет соответствия человеческих отношений нормам и требованиям, которые предполагаются известными участ-

никам этих отношений. При этом набор правил (норм и требований), определяющих границы, за пределами которых любые отношения, решения, действия, поступки и т.д. перестают быть справедливыми и становятся несправедливыми, должен быть одинаковым для всех. В связи с этим определение некоторыми учеными справедливости, как критерия, мерила деятельности, поступков людей является правильным [12, с. 266].

Таким образом, справедливость выступает в форме проявления категории меры с ее границами, нарушение которых будет выражать несправедливость. При этом, как верно отмечает П.А. Юсов, равенство, эквивалентность результатов отношений внутри этого ограниченного пространства и являются фактическим содержанием понятия справедливости [13, с. 163].

Еще одним вопросом, который по выражению О.В. Мартышина принадлежит к числу вечных тем философии и теоретической юриспруденции [14, с. 4], является вопрос о соотношении права и справедливости. Прежде всего, различен подход ученых-юристов к отнесению справедливости к разряду моральных или правовых категорий.

Одни ученые рассматривают ее исключительно с позиций нравственности, выражая не только сомнения касательно обоснованности отнесения справедливости к правовой категории [2, с. 75], но и считают ее несравнимой с правом. Так, Р. Иеринг, считая, что право должно оставаться только правом, утверждал, что закон не нуждается ни в каком критерии справедливости [15, с. 48–49]. М.Н. Марченко также полагает, что моральные категории, в том числе справедливость, не имеют отношения к праву и правовой теории, более того, приводят лишь к усложнению проблемы [16, с. 22].

В.С. Нерсисянц, напротив, считает право изначально, по определению справедливым. Справедливость, по его мнению, присуща праву, и только ему, «какого-либо другого регулятивного принципа, кроме правового, справедливость не имеет» [17, с. 11]. С точки зрения сторонников подобной позиции, правовое регулирование без учета справедливости как критерия соизмеримости поведения людей, средства обеспечения социальной ценности правовых норм, затруднительно, поэтому это категория не только юридическая, но и совпадающая с законностью [19, с. 98, 168].

По мнению представителей третьей точки зрения, справедливость исходит из соразмерности, или эквивалентности, любого соци-

ального взаимодействия, поэтому одновременно является и нравственной, и правовой категорией [19, с. 86; 20, с. 86]. Как представляется, именно такой подход является наиболее обоснованным, в пользу чего можно высказать следующие соображения.

Уже философы Древней Греции Платон, Протагор, Сократ, Аристотель рассматривали справедливость как базирующуюся на нравственной основе политико-правовую категорию. При этом наиболее полно категория справедливости разработана Аристотелем, который в «Большой этике» выделял два рода справедливого. Во-первых, «справедливое — это то, что велит делать закон, во-вторых, «справедливое по отношению к другому есть, собственно говоря, равенство» [20, с. 82]. Значит, уже в древности справедливость, оценивающая общественную деятельность с точки зрения долженствования, являлась категорией и морального, и правового сознания.

Если попытаться понять сказанное, то можно заметить, что оно согласуется с устройством самого слова: с-пра-ведливость, т.е., «с веданием прав», правды, закона. В старорусском языке закон так и назывался — «правда», т.е. «справедливо» только то, что соответствует закону. Но о каких законах идет речь? Исключительно ли о законах, установленных государством?

Как верно заметил О. Лейст, «право — это не весь мир, а лишь часть социальной жизни» [16, с. 30]. Другими словами, правовые отношения не исчерпывают и не могут исчерпать всех социальных отношений. Хорошо известно, что в регуляторе общественных отношений является не только право, но и мораль. Причем по времени возникновения, сфере действия преимущество у морали. Право регулирует только те общественные отношения, которые способно урегулировать, для сферы действия морали нет никаких исключений [21, с. 61–61].

Например, нарушение «золотого правила нравственности», отражающего справедливое отношение к людям, может быть безразлично с точки зрения закона, но осуждается с точки зрения морали. Человек, проявляющий такие качества, как вежливость, честность, порядочность, преданность, верность слову, вправе ожидать проявления таких же качеств и к самому себе. Отсутствие эквивалентности, равенства в отношениях между равными расценивается как несправедливое.

С позиции нравственного отношения к людям невозможно оправдать применение мер принуждения, но с позиции закона — это

оправданно. О праве говорят, что это ни что иное, как мораль, наделенная способностью принуждения. Право по сравнению с моралью обладает большей принудительной силой, оно обеспечивает исполнение норм, являющихся основой общественной безопасности, поскольку имеет дело «не с идеальным совершенством некоторых, а с реальной безопасностью всех» [22, с. 69].

Казалось бы, не должно вызывать возражения утверждение В.С. Нерсисянца о том, что «справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости — значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права» [23, с. 29–30]. Безусловно, действовать по справедливости — это, прежде всего, действовать, не нарушая норм права, в соответствии с требованиями закона. Тем не менее, «прежде всего» — не означает «исключительно», поскольку, очевидно, что человек, который в своем поведении руководствуется нормами морали, как правило, не нарушает и правовых норм. В связи с этим верным является утверждение М.Н. Руткевича о том, что в оценочно-нормативном понятии справедливости «фиксируется моральное и правовое представление о том, что соответствует и что не соответствует законам, нормам права и общественной, господствующей в обществе морали» [24, с. 61].

Право обусловлено моральными требованиями справедливости, характерными для всех социальных отношений, возможных в обществе, поэтому понимание справедливости как исключительно правовой категории сужает сферу ее действия. Как справедливо отмечал А.И. Экимов, для науки «невозможно допущение, что право в первую очередь обуславливает все развитие общества» [18, с. 120]. В то же время нельзя не признать, что право является важнейшим регулятором общественных отношений и что именно право, благодаря наличию строго определенных правовых норм, позволяет «измерить и взвесить», соотнести сущее с должным. В связи с этим М.В. Пресняков совершенно обоснованно указывает, что норма права всегда применялась и применяется одинаковым образом к равным субъектам и различным — к неравным. Любые отклонения от этого принципа, рассматриваются как отступление от права, т.е. неправомерные действия. Собственно, это сущностное качество всякой нормативности вообще. Как известно, норма означает точное предписание, образец, правило, мерило. Если одна и та же норма будет произвольным обра-

зом применяться к субъектам, обладающим одинаковым статусом и находящимся в одинаковой ситуации, то она просто утратит свой смысл именно как точного образца, мерил. Таким образом, уже в самом понятии нормы, «меры» права имманентно присутствует справедливость как принцип ее существования и действия [25, с. 52]. Поэтому должно быть очевидным, что норма права не может быть несправедливой «по определению», следовательно, любая деятельность в границах этой нормы является априори справедливой.

Таким образом, справедливость, будучи по своему происхождению и первоначальному смыслу нравственной, неразрывно связана с правом. Говоря словами А.И. Экимова, именно «благодаря праву то, что было только моральным, приобретает силу закона» [18, с. 70; 26, с. 110–111], поэтому понятие справедливости является и моральной, и правовой категорией.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что требования морали становятся юридически значимым лишь в том случае, когда они конкретизированы указанием на обязанность их соблюдения в правовых нормах. Поэтому справедливость можно определить как морально-правовую категорию, представляющую собой логическую оценку общественных отношений в соответствии с критериями, которые являются общепринятыми нормами поведения или зафиксированы в общеобязательной нормативной системе — законе.

Список использованной литературы

1. Бозров В. М. О проблеме справедливости в уголовном судопроизводстве / В. М. Бозров // Российский судья. — 2005. — № 4. — С. 15–18.
2. Костовская Н. В. Процессуальная сущность решения суда первой инстанции по уголовному делу / Н. В. Костовская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2010. — № 3 (109). — С. 71–77.
3. Black's Law Dictionary / ed. by Henry Campbell Black. — 2nd ed. — St. Paul. : West publishing Co., 1990. — 1406 p.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
5. Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. — М. : Инфра-М, 2007. — 576 с.

6. Арендаренко А. В. Общеправовой принцип социальной справедливости и его реализация в современном уголовном праве России: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Арендаренко. — М., 2009. — С. 250–254.
7. Корнакова С. В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания / С. В. Корнакова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. — 188 с.
8. Бикметова Т. И. Проблема справедливости в философии и праве. Коммуникативистика XXI века актуальные социально-гуманитарные проблемы : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 20 марта 2009 г. / Т. И. Бикметова, О. С. Родичева, Г. Х. Якупова. — Н. Новгород : Нижегород. ф-л НИУ ВШЭ, 2009. — С. 102–106.
9. Колоколов Н. А. Справедливость приговора — залог исполнимости наказания / Н. А. Колоколов // Вестник Самарского юридического института. — 2011. — № 3 (5). — С. 20–35.
10. Макарова З. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве / З. В. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — 2012. — № 7. — С. 54–56.
11. Корнакова С. В. Логика для юристов / С. В. Корнакова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — 122 с.
12. Панько Н. К. Проблема справедливости в уголовном судопроизводстве / Н. К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. — 2008. — № 1. — С. 262–269.
13. Юсов П. А. Право и справедливость / П. А. Юсов // Ученые записки Сахалинского государственного университета. — 2012. — № 1 (9). — С. 161–168.
14. Мартышин О. В. Справедливость и право: Философия и теория юриспруденции / О. В. Мартышин // Право и политика. — 2000. — № 12. — С. 4–15.
15. Иеринг Г. Борьба за право / Г. Иеринг ; пер. С. И. Ершова. — М. : Изд-е М. И. Прокоповича, 1907. — 94 с.
16. Общая теория государства и права. Академический курс : в 2-х т. / под ред. М. Н. Марченко. — М. : Зерцало, 1998. — Т. 2. — 640 с.
17. Нерсисянц В. С. Право — математика свободы: Опыт прошлого и перспективы / В. С. Нерсисянц ; отв. ред. М. М. Славин. — М. : Юристъ, 1996. — 160 с.

18. Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов ; под ред. И. П. Комиссаровой. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. — 120 с.
19. Амиров К. Ф. Составление обвинительного заключения : пособие для следователя / К. Ф. Амиров. — Казань : Мастер Лайн, 2001. — 420 с.
20. Корнакова С. В. К вопросу о принципе справедливости в российском праве / С. В. Корнакова // Вопросы правоведения. — 2012. — С. 81–87.
21. Корнакова С. В. Основы этики. Профессиональная этика юриста / С. В. Корнакова. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 308 с.
22. Корнакова С. В. К вопросу о принципе справедливости // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 64–70.
23. Нерсисянц В. С. Философия права / В. С. Нерсисянц. — М. : Инфра-М : Норма, 1997. — 647 с.
24. Руткевич М. Н. Социалистическая справедливость / М. Н. Руткевич // Социологические исследования. — 1986. — № 3. — С. 60–65.
25. Пресняков М. В. Конституционная интерпретация принципа справедливости в социокультурном аспекте / М. В. Пресняков // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 3. — С. 47–58.
26. Корнакова С. В. Уголовно-процессуальное доказывание как процесс познания / С. В. Корнакова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2006. — № 6. — С. 110–112.

Информация об авторе

Щербаков Владимир Александрович — заместитель прокурора города, Прокуратура г. Новоалтайска, 658080, Алтайский край г. Новоалтайск, ул. Красногвардейская, 8.

Information about the author

Shcherbakov, Vladimir A. — Deputy City Prosecutor, a Public Prosecutor of Novoaltaisk, 658080, Altai territory, Novoaltaisk St. red guard, 8.

УДК 343.98

В.И. Балко

**КЛАССИФИКАЦИЯ СГРУППИРОВАННЫХ ВИДОВ ФОРМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

В статье дается сравнительный анализ нескольких видов процессуальных и не процессуальных форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве различных авторов. Рассмотрены различные разновидности форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, где отсутствует основной критерий классификации видов форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве. Автором представлена классификация девяти групп видов форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, на основании отношения между декларированностью и регламентированностью вариантов форм использования и применения специальных знаний по их отношению к нормативно-правовым актам. Данная классификация сгруппированных видов форм использования и применения специальных знаний в уголовном производстве дает возможность их изучения в учебной, научной и практической деятельности.

Ключевые слова: специальные знания, формы специальных знаний, применение специальных знаний, классификация форм специальных знаний и деятельность сведущих лиц.

V.I. Balko

**CLASSIFICATION OF GROUPED KINDS OF FORMS
OF USING AND APPLYING SPECIAL KNOWLEDGE
IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

The article gives a comparative analysis of several kinds of procedural and non-procedural forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings by different authors. A variety of forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings, where there is no main

criterion of classification of forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings, are examined. The author presents a classification of nine groups of forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings based on the relationship between the declaration and regulation of form variants of using and applying special knowledge in their relation to regulatory legal acts. This classification of the grouped kinds of forms of using and applying special knowledge in criminal proceedings makes it possible to study them in training activities, research and practice.

Keywords: special knowledge, forms of special knowledge, applying special knowledge, classification of forms of special knowledge and activity of knowledgeable persons.

В специальной юридической литературе большое внимание уделяется классификации форм использования специальных знаний, который являлся предметом исследований многих ученых: В.Д. Арсеньева, Л.Е. Ароцкера, Б.М. Бишманов Р.С. Белкина, С.Ф. Бычкова, С.П. Вареникова, А.И. Винберга, Ж.Р. Дильбарханова, В.Г. Гончаренко, Г.Г. Зуйкова, Л.М. Исаева, В.К. Лисиченко, В.Н. Махов, В.А. Образцов, А.Р. Ратинова, Н.А. Селиванова, В.Г. Танасевича, В.И. Шиканова, А.А. Эйсмана и других ученых. Ученые классифицируют формы использования специальных знаний по разным основаниям: по субъекту применения, по доказательственному значению полученных результатов, по процессуальному положению лица, применяющего специальные знания, и по ряду других оснований. В данной статье рассмотрим классификацию сгруппированных видов форм использования специальных знаний на основе отношений их между уголовно-правовой декларацией и регламентацией уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК), закона и подзаконного акта.

Из криминалистических и процессуальных первоисточников известно: что в деятельности по выявлению и расследованию преступлений встречаются две основные формы привлечения и использования специальных познаний, которая предусмотрена УПК РК и РФ (судебные экспертизы, участие специалистов в подготовке и проведении следственных действий) и не предусмотренная уголовно-процессуальным законом (консультативно-справочная деятельность специалистов). Как мы знаем к субъектам использования и применения специальных знаний, которые чаще их используют, относятся специалист, эксперт, следователь, оперуполномоченный, прокурор, судья и др.

Р.С. Белкин также разграничивает формы специальных знаний: процессуальные и не процессуальные. К процессуальным формам относятся привлечение следователем собственных специальных знаний: участие специалиста в следственных действиях; производство экспертиз. К не процессуальным формам — консультативная и справочная деятельность сведущих лиц; производство ревизионных и аудиторских действий, участие сведущих лиц в оперативно-розыскных мероприятиях [1, с. 398].

Б.М. Бишманов различает две основные формы различных видов использования специальных знаний: в рамках процессуальной формы и в рамках вне процессуальной формы. В рамках процессуальной формы различают следующие виды использования специальных знаний: участие специалистов в процессуальных действиях; производство судебной экспертизы; непосредственное использование специальных знаний следователем, дознавателем, прокурором, составом суда при выполнении процессуальных функций собирания, исследования и оценки доказательств; использование следователем собственных специальных знаний в организационно-технической работе, не связанной с проведением следственных действий; использование следователем собственных специальных знаний в разработке профилактических рекомендаций специалиста; сообщение специалистом справочных сведений следователю; оказанию специалистом организационно-технического содействия следователю в выполнении определенных работ, не связанных с производством следственных действий. А за рамками процессуального статуса использования криминалистических знаний, умений и навыков различают следующие виды использования специальных знаний: участие специалиста в оперативно-розыскных мероприятиях (далее — ОРМ); оказание сведущими лицами справочно-информационной помощи; использование оперативным работником личных специальных знаний при проведении ОРМ; использование оперативным работником собственных специальных знаний в разработке профилактических рекомендаций; консультация специалиста; сообщения специалистом справочных сведений оперативному работнику; оказание специалистом организационно-технического содействия оперативному работнику в выполнении определенных работ, не связанных с проведением ОРМ; участие специалиста в ОРМ; проведение специальных исследований предметов и документов до возбуждения уголовного дела; обучение специалистом следователей и опера-

тивных работников современным приемам и методам исследования оружия и следов его применения, ознакомление с новыми научно-техническими средствами, а также их внедрения специалистом в следственную и оперативно-розыскную деятельность; участие специалиста в разработке профилактических предложений [2, с. 38–41].

В.Н. Махов выделяет 3 группы форм использования специальных знаний: формы, прямо предусмотренные законом (производство экспертиз, привлечение специалистов, педагогов, переводчиков); нерегламентированные законом (составление сведущими лицами в установленном порядке документов); составление сведущими лицами документов, не содержащих сведений о преступлении (справки разового характера и пр.) [3, с. 74].

Л.М. Исаева выделяет три группы форм использования специальных знаний с точки зрения их регламентации в законодательстве: формы, декларированные и регламентированные УПК (производство судебной экспертизы); формы, декларированные в УПК, но регламентированные другими законами и подзаконными нормативными актами (производство документальных проверок, ревизий; проверка сообщения о преступлении); формы, декларированные в УПК, но не регламентированные действующим законодательством (заключение специалиста) [4, с. 11].

В.И. Шиканов выделяет 8 основных вариантов форм использования специальных знаний: непосредственное использование специальных знаний следователем, дознавателем, прокурором, составом суда; использование специальных знаний сведущих лиц без привлечения их к следственным действиям; использование результатов несудебных расследований; привлечение специалиста; привлечение эксперта; использование переводчиков и лиц, понимающие знаки немого, глухого; назначение ревизии; производство технических или иных обследований [5, с. 39–40].

С.Ф. Бычкова приводит аналогичные 8 форм использования специальных знаний и дает им толкование [6, с. 25].

В.А. Образцов предлагает разграничить следующие формы: привлечение специалистов; производство судебных экспертиз; производство документальных ревизий, проверок, обследований; получение справок и консультаций; истребование и использование составляемых ими документов; допрос сведущих лиц [7, с. 373].

С.П. Вареникова предлагает классифицировать формы использования специальных знаний по следующим основаниям: по процессуальному положению субъектов, применяющих специальные знания; по целям и задачам применения специальных знаний; по основаниям привлечения специальных знаний; по наличию процессуальной регламентации деятельности по применению специальных знаний; по характеру процессуальной регламентации деятельности по применению специальных знаний; по стадиям уголовного процесса; по видам процессуальных действий; по форме закрепления результатов применения специальных знаний; по доказательственному значению информации, полученной в результате применения специальных знаний [8, с. 92].

Ж.Р. Дильбарханова различает следующие двенадцать вариантов форм использования и применения специальных знаний: непосредственное использование специальных знаний следователем, дознавателем, прокурором, судьей; участие специалистов в процессуальных действиях; справочная деятельность сведущих лиц; консультации специалиста; производство проверок, ревизий; привлечение переводчика; привлечение педагога для допроса несовершеннолетних; привлечение врача; обмен собранной информацией и мнениями; допрос эксперта; производство несудебной экспертизы и производство судебной экспертизы [9, с. 25–32].

В настоящее время, обобщая вышеизложенное различных авторов, которое не имеют однозначного подхода к определению количества разновидностей видов форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве и их попытки разграничения, можно говорить о том, что каждая из указанных точек зрения характеризует знание во всем многообразии и сложности форм применения специальных знаний в уголовном судопроизводстве, хотя и с разных позиций и имеет право на существовании. Некоторая разноречивость в определении количества этих видов форм применения специальных знаний объясняется тем, что закономерно отражает процесс развития форм применения специальных знаний. Но в тоже время многообразие указанных точек зрения о сложности формах применения и использования в уголовном судопроизводстве специальных знаний, которые негативным образом сказываются на возможности изучения особенностей конкретных форм применения и использования специальных знаний. Это необходимо в целях эффективного их использования различными субъектами уголовно-процессуального доказывания.

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, обусловлена отсутствием более полного определения критериев классификации форм использования и применения специальных знаний, которые наблюдается у каждого из приведенных выше авторов. В этой связи представляется целесообразным классифицировать группы видов форм применения и использования специальных знаний в уголовном производстве следующим образом по 9 группам:

первая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, декларированные и регламентированные УПК (например, производство судебной экспертизы и дача заключения по поставленным вопросам; пояснения специалиста; показания эксперта; участие специалиста в проведении следственных действий; применением специалистом научно-технических средств в следственных действиях; проведение предварительного исследования специалистом; подготовке материалов специалистом для назначения экспертизы следователем; получение сравнительных образцов сведущим лицом; непосредственное использование специальных знаний следователем, дознавателем, прокурором, составом суда при выполнении процессуальных функций собирания, исследования и оценки доказательств; привлечение переводчика; привлечение педагога, психолога для допроса несовершеннолетних; привлечение врача; допрос эксперта и др.);

вторая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, декларированные в УПК и регламентированные законами (например, наведение справок или получение образцов оперативным работником для проведения оперативно-розыскного мероприятия (далее ОРМ); участие специалиста с использованием научно-технических средств при проведении ОРМ, и др.);

третья группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, декларированные в УПК и регламентированные подзаконными нормативными актами (например, оказанию специалистом организационно-технического содействия следователю в выполнении определенных работ, не связанных с производством следственного осмотра и др.);

четвертая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, декларированные в УПК, но не регламентированные действующим законодательством (например, заключение специалиста (по форме));

пятая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, не декларированные УПК, но регламентированные законами (например, производство экспертизы первоначально не связанной с уголовной регистрацией и др.);

шестая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, не декларированные УПК, но регламентированные подзаконными нормативными актами (например, использование оперативным работником собственных специальных знаний в разработке профилактических рекомендаций; письменная консультация специалиста; участие специалиста в разработке профилактических предложений; письменный обмен собранной информацией по межведомственному соглашению и др.);

седьмая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, не декларированные УПК, но декларированные законом и регламентированные подзаконными нормативными актами (например, проведение сотрудником специального оперативно-розыскного мероприятия; проведение негласных следственных действий и др.);

восьмая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, не декларированные УПК и не регламентированные действующим законодательством (например, допрос специалиста как свидетеля; допрос специалиста — «некриминалиста» как свидетеля; устный обмен мнениями о собранной информации; устная консультация специалиста следователю, устное сообщение специалистом справочных сведений оперативному работнику по конкретному преступлению и др.);

девятая группа формы использования и применения специальных знаний в уголовном производстве, составление сведущими лицами документов, не содержащих сведений о преступлении (например, справки разового характера по запросам следователя: справки разъясняющее ведомственные инструкции; справки удостоверяющие положение ведомственных признаков; справки которые были составлены ранее и т.д.).

Данная классификация носит более емкий и дифференцированный характер по сравнению с другими классификациями, которую можно взять за основу. В данном случае основанием классификации является отношение между уголовно — правовой декларацией и регламентацией соответствующего законодательства, которая позволяет изучение особенностей видов форм использования и применения

специальных знаний в целях оперативности и эффективного их использования различными субъектами уголовно - процессуального доказывания в процессе обучения, изучения, профилактики, предупреждения, выявления, раскрытия и расследований преступлений.

Список использованной литературы

1. Криминалистика : учебник / под ред. Р. С. Белкина. — М. : Норма : Инфра-М, 1999. — 990 с.
2. Бишманов Б. М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве / Б. М. Бишманов. — М. : Моск. психол.-соц. ин-т, 2003. — 224 с.
3. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений / В. Н. Махов. — М. : РУДН, 2000. — 296 с.
4. Исаева Л. М. Криминалистическое учение о специальных знаниях сведущих лиц : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л. М. Исаева. — СПб., 2009. — 60 с.
5. Шиканов В. И. Использование специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. И. Шиканов. — Иркутск, 1980. — 250 с.
6. Бычкова С. Ф. Организация назначения и производства судебной экспертизы : учеб. пособие / С. Ф. Бычкова. — Алматы : Жеты жаргы, 2005. — 272 с.
7. Криминалистика : учебник / под ред. В. А. Образцова. — М. : Юристъ, 1999. — 760 с.
8. Вареникова С. П. Применение специальных знаний в уголовном производстве Республики Казахстан : учеб. пособие / С. П. Вареникова. — Алматы : НАС, 2004. — 200 с.
9. Дильбарханова Ж. Р. Специальные знания в расследовании транснациональных преступлений / Ж. Р. Дильбарханова. — Алматы : Юрист, 2007. — 272 с.

Информация об авторе

Балко Владимир Иванович — преподаватель кафедры правовых и социально-гуманитарных дисциплин, колледж «Кайнар», 490050, Казахстан, г. Семей, ул. Смоленская 3; e-mail: krim90dakto97@mail.ru.

Information about the author

Balco, Vladimir I. — teacher of the Department of Legal and Socio-humanitarian Disciplines at the College, «Kainar», 490050, Smolenskaya str. 3, Semey, Kazakhstan; e-mail: krim90dakto97@mail.ru

**ПОИСК КОРРЕЛЯЦИЙ МЕЖДУ ТИПОМ ГОРЮЧЕГО И
ПОИСКОВЫМИ СВЕДЕНИЯМИ О ЛИЧНОСТИ УБИЙЦЫ,
ИСПОЛЬЗУЮЩЕГО ОГОНЬ КАК ОРУДИЕ (СПОСОБ)
СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В статье проверяется гипотеза о том, что тип горючих веществ, который убийца использует при совершении убийства, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления, находится во множественной зависимости от личностных характеристик убийцы. Это дает перспективу планировать выбор и тактику проведения эффективных оперативно-розыскных мероприятий и иных методов, средств и приемов оперативной работы для решения задач выявления, предупреждения и раскрытия изучаемой категории дел.

Ключевые слова: личность убийцы, убийства сопряженные с огнем, оперативно-розыскная характеристика, корреляции, оперативная работа.

R.G. Drapezo

**SEARCHING FOR CORRELATIONS BETWEEN THE TYPE
OF FUEL AND SEARCH INFORMATION
ABOUT THE IDENTITY OF THE KILLER USING FIRE
AS A TOOL (METHOD) THE CONCEALMENT OF A CRIME**

The article tests the hypothesis that the type of combustibles, which the murderer uses while committing a murder, a fire where you are stepping as a tool (method) of concealment of a crime, is in the plural, depending on personal characteristics of the murderers. It gives perspective to plan the choice and tactics of carrying out effective investigative measures and other methods, tools and techniques operational work for the tasks of identifying, preventing and solving of the studied cases.

Keywords: the identity of the killer, the murder associated with fire, operational-investigative characteristics, correlation, operational work.

Материалы следственной и судебной практики по делам об убийствах, сопряженных с огнем, [1, с. 221] показали: 1) их длительность во времени; 2) многоэпизодность; 3) многообразие типов используемых убийцей горючих веществ и материалов; 4) тот факт, что более половины лиц, причастных к убийству, имели те или иные отклонения в психике, употребляли алкоголь и наркотики; 5) их неочевидность, когда не понятно, какое событие имеет место быть (убийство, самоубийство, несчастный случай или его инсценировка). Исходя из этого посыла, мы выдвинули гипотезу: тип горючего вещества (жидкости) или предмета должны находиться во множественной (корреляционной) зависимости от некоторых криминологико-криминалистических, психологических и социальных свойств личности убийцы, применяющего огонь как орудие (способ) сокрытия следов преступления. В 2007 г. похожую гипотезу выдвигал Н.Н. Кривых [2, с. 54], однако, применительно к эпизодам, связанным с поджогами, вне зависимости от оперативно-розыскных ситуаций и методов оперативной работы.

Сам корреляционный анализ заключается в том, чтобы, с одной стороны, установить наличие зависимости между двумя или большим числом объектов, явлений с целью выдвижения гипотезы о причинно-следственных связях, с другой стороны, оценить силу связи, то есть построить прогноз и ответить на вопрос, насколько можно доверять той или иной обнаруженной связи. При этом, причинно-следственная связь по внутренней природе, в зависимости от решаемых задач, может отражать как динамические свойства материи и информации, так и их статистические свойства. В первом случае речь может идти о прямой связи и влиянии причины на следствие, как всеобщем свойстве материи, заключающемся в воспроизведении, фиксировании того, что принадлежит отражаемому предмету [3, с. 12]. Примером служит следующая логическая цепочка: «следовая картина на месте происшествия — личностные особенности преступника» [4, с. 263].

Второе свойство также обладает поисковыми качествами (применительно к решению задач криминалистики и оперативно-розыскной деятельности), однако, оно носит неочевидный характер. Для установления таких связей, носящих поисково-статистический характер, требуется собрать и изучить базу данных, которая может содержать, к примеру, репрезентативный массив материалов послед-

ственных проверок, уголовных дел, экспертных заключений и т.п. Математический анализ таких баз данных позволяет обнаружить скрытые, неочевидные, на первый взгляд, поисковые закономерности между отдельными параметрами (объектами) криминалистической или оперативно-розыскной характеристики преступления.

В доступной нам литературе мы не обнаружили ни одной работы, в которой бы авторы предлагали искать и устанавливать корреляции между элементами оперативно-розыскной характеристики преступления. Один из первых ученых, кто применил корреляционный анализ к криминалистической характеристике убийства, был Л.Г. Видонов [5, с. 10]. Подход Л.Г. Видонова позволяет выбрать наиболее вероятную версию, ограничить круг лиц, среди которых может находиться преступник, выработать на базе данных конкретного уголовного дела рабочую версию. Тем не менее, у метода Л.Г. Видонова есть и свои недостатки. Так, метод ученого не в состоянии охватить все многообразие версий и следственных ситуаций. Вместе с тем, как пишет С.В. Лаврухин [6, с. 72], типовые версии Л.Г. Видонова дают ключ к раскрытию примерно 60 % убийств, совершенных в условиях неочевидности. Как далее пишет С.В. Лаврухин, метод исследования убийств Л.Г. Видонова представляет собой не только новое слово в науке, но и способен поднять криминалистику на новый уровень.

Неочевидные закономерности, найденные Л.Г. Видоновым, в какой-то степени, напоминают описанные А.Ю. Шумиловым [7, с. 30] сыскные (поисковые) закономерности. Согласно автору, сыскные закономерности — это устойчивые и постоянные во времени связи между явлениями (процессами) профессиональной сыскной деятельности. Одним из свойств сыскных закономерностей можно назвать неоднократно зафиксированную, определенную, устойчивую постоянную связь, «информационную определяющую» поисковой (сыскной) деятельности [8, с. 139]. Понятно, что поисковые признаки и сыскные закономерности имеют связь и могут проявляться в типичных оперативно-розыскных ситуациях. Вместе с тем, оговоримся и скажем, что развитие теории и практики о сыскных закономерностях находится, по словам А.Ю. Шумилова, на самой начальной стадии нового научного направления о профессиональном сыске. Поэтому ограничимся собственным мнением о том, что поисковые признаки, неочевидные и сыскные закономерности в совокупно-

сти смогут в будущем обеспечивать оперативному работнику построение наиболее вероятных оперативно-розыскных версий при изучении оперативной обстановки на этапах выявления, предупреждения и раскрытия преступления.

Таким образом, по аналогии с Л.Г. Видоным и А.Ю. Шумиловым, мы предлагаем искать и устанавливать с помощью корреляционного анализа оперативно значимые закономерные связи между отдельными признаками убийства, где огонь используется как орудие (способ) сокрытия преступления. С наших позиций, это должно повысить ценность такой категории, как оперативно-розыскная характеристика преступления, все более конкретизируя ее и отдаляя от фантомности и эфемерности [9, с. 41].

Математический анализ собранного нами эмпирического материала [10, с. 21] позволил установить следующие корреляции (приводим только некоторые из них) между личностью убийцы и применением горючих веществ и материалов (в скобках указан процент установленных случаев):

1. Краска, мастика:

- как правило, убийство совершается в составе группы (82,6 %);
- один из членов группы знаком с потерпевшим (89,1 %);
- как правило, некоторые участники группы ранее судимы (76,7 %);
- мотив убийства в основном корыстный (82,5 %) или из хулиганских побуждений (17,9 %). В основном преступление планируется;
- знакомые, родственники заподозренных лиц, как правило, предполагают, кто совершил преступление (79,2 %);
- участники группы «транзитеры» (25,0 %) либо приезжие (75,0 %);
- как правило, это молодые люди, либо несовершеннолетние (69,8 %).

2. Ацетон, растворители:

- преступники местные жители (63,3 %);
- преступление совершается группой лиц по предварительному сговору (60,2 %);
- как правило, убийство совершается с особой жестокостью (71,1 %);
- преступники с потерпевшим знакомы хорошо (80,2 %);

– мотив убийства — месть (85,0 %). Преступление, как правило, заранее не готовится. Убийство носит спонтанный характер;

– некоторые члены группы состоят или состояли на учете в наркодиспансере (92,3 %);

– некоторые члены группы ранее судимы (68,5 %).

3. Спирт, самогон:

– преступник местный (56 %) или приезжий (44 %);

– как правило, преступление совершается в одиночку (71,8 %);

– мотив убийства, как правило, месть за якобы причиненные в прошлом обиды или ревность (71,3 %). Умысел на убийство носит спонтанный характер;

– родственники и/или знакомые заподозренного лица в курсе, кто совершил преступление (84,7 %);

– соседи также догадываются, кто совершил преступление (73,3 %);

– преступник ранее не судим (61,9 %).

4. Подсолнечное масло, моторное масло:

– одиночка (84,2 %);

– родственники заподозренного лица, предполагают, кто совершил убийство (65,5 %);

– мотив убийства — месть (92,3 %). Преступление, как правило, заранее не готовилось;

– хорошо знаком с потерпевшим (70,6 %);

– местный житель (91,1 %).

5. Одеколон:

– ранее судим (85,0 %);

– плохо либо вообще незнаком с потерпевшим (86,4 %);

– преступление совершается из корыстных побуждений (81,2 %). Преступление, как правило, готовится, однако убийство носит спонтанный характер.

6. Бензин, керосин:

– местные жители, либо жители близлежащих территорий (92,7 %);

– группа лиц по предварительному сговору (75,5 %);

– как правило, имеют судимость (69,9 %);

– с потерпевшими незнакомы или знакомы плохо (66,7 %);

– потерпевшими становятся: таксисты, случайные прохожие, попутчики и т.п. (80,8 %);

– мотив корысть или месть (96,4 %). Преступление, как правило, подготавливается;

7. Уксусная кислота, сухое горючее:

– одиночка (63,4 %);

– имеет судимость (61,5 %);

– мотив убийства - месть (64,7 %) либо корысть (35,3 %). Преступление, как правило, заранее не готовилось;

– местный житель (89,3 %);

– с потерпевшим знаком (86,0 %);

– состоит или состоял на учете в психдиспансере (78,7 %).

8. Ветошь (тряпки, бумага, обои, шторы, вата, белье и т.п.):

– совершается в группе лиц по предварительному сговору (55,3 %), некоторые из них имели судимость (56,4%);

– мотив — скрыть другое преступление. Умысел на убийство возникает спонтанно. Преступники заранее не готовили убийство (72,4 %);

– родственники, соседи и иные потерпевшие, при их наличии, как правило, в курсе кто совершил преступление (95,0 %);

– как правило, местные жители (68,4 %), но есть и приезжие (31,6 %);

– в состав группы входят несовершеннолетние (56,7 %);

– некоторые из членов группы состоят или состояли на учете в психдиспансере (64,7 %);

– некоторые из членов группы страдают непатологическим пьянством либо состоят или состояли на учете в наркодиспансере (68,2 %);

– один из членов группы знаком с потерпевшим либо является близким или родственником (71,2 %).

9. Высокотоксичные материалы (изделия пропитанные лаком, линолеум, пластмассовые изделия и т.п.):

– с потерпевшим знакомы либо являются близкими людьми или родственниками (98,0 %);

– мотив убийства — месть либо корысть (87,8 %). Преступление готовится заранее (95,3 %);

– преступники имеют среднетехнический уровень образования или выше (92%).

При этом, в отличие от типа горючего вещества, использование определенного вида источника зажигания дает значительно меньше

сведений (информации) о преступнике, что, видимо, свидетельствует о незначительной степени связности этого фактора с возрастными, профессиональными и иными характеристиками личности убийцы. Понятно, что подобные сведения весьма ценны для оперативных работников, так как они могут повлиять на тактику проведения необходимых оперативно-розыскных мероприятий.

Поясним некоторыми типичными логическими цепочками связь типа горючего материала и личности убийцы, с выходом на оперативно-розыскные версии, на конкретных примерах из материалов уголовных дел. Разберем часто встречаемую в следственной практике ситуацию. В уголовном деле (№ дела 2-125¹) 3-го октября 2001 г. группа лиц из двух человек по предварительному сговору ночью совершила кражу в доме своих знакомых. Хозяин дома проснулся от шума и увидел двух граждан, которых хорошо знал. У преступников возник умысел на убийство хозяина дома. Последнему наносились удары в жизненно важные органы кулаками, ногами и шумовкой. После чего изнасиловали хозяйку, нанесли ей несколько ударов по голове шумовкой, накинули на шею шнурок из ботинок и убили ее. Для сокрытия следов преступления разбросали по дому ветошь и подожгли зажигалкой.

Логическая цепочка рассуждения может быть следующей: убийство может быть совершено группой лиц — убийство совершено в целях скрыть другое преступление — один из членов группы (возможно ранее судимый) может быть хорошо знаком потерпевшим либо являться их родственником — один или несколько преступников местные жители и, вполне возможно, живут неподалеку от места происшествия — установление круга родственников, близких и знакомых потерпевших, также установление круга соседей последних — исходя из высокой вероятности того, что родственники, соседи и иные потерпевшие, при их наличии, как правило, в курсе, что преступление совершил их близкий/знакомый, то после проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий (опрос, наблюдение, прослушивание телефонных разговоров и т.п.) возможно установление круга заподозренных лиц — некоторые члены группы состоят или состояли

---

¹ Архив уголовных дел Кемеровского областного суда за период с 1989 по 2015 гг.

на учете в психо- и/или в наркодиспансере — возможно в состав группы входили несовершеннолетние.

Как выяснилось позже, один из членов группы действительно оказался ранее судимым, состоящим на учете в психдиспансере. Другой преступник, несовершеннолетний, состоящий на учете в наркодиспансере, рассказал своей матери о произошедшем преступлении и оказался знакомым у потерпевших. Оба преступника местные жители, проживавшие в близких пределах от места совершения убийства.

Таким образом, подтверждая сформулированную нами вначале статьи гипотезу, скажем, что действительно существуют многозначные связи между типом горючего вещества и некоторыми криминологическими и криминалистическими и медико-социальными особенностями личности убийцы. Впоследствии, это даст нам возможность своевременно и правильно оценивать оперативно-розыскные ситуации и находить алгоритмы выдвижения оперативно-розыскных версий. На этой основе, возможно, удастся планировать выбор и тактику проведения эффективных оперативно-розыскных мероприятий и иных методов, средств и приемов оперативной работы (легендирование, манипулирование, дезинформация, агентурный метод работы и т.п.).

Список использованной литературы

1. Юркевич Н. А. Проблемы проведения проверочных мероприятий и возбуждения уголовного дела по убийствам, где огонь выступает как орудие (способ) сокрытия преступления / Н. А. Юркевич, Р. Г. Драпезо // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 4 (64). — Т. 2. — С. 221–228.

2. Кривых Н. Н. Особенности использования специальных знаний об инициаторах горения при расследовании преступлений, связанных с поджогами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. Н. Кривых. — Волгоград, 2007. — 178 с.

3. Чегодаева С. Понятие отражения в криминалистике / С. Чегодаева // Закон и жизнь. — 2013. — № 12. — С. 12–15.

4. Ахмедшин Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р. Л. Ахмедшин. — Томск, 2006. — 413 с.

5. Видонов Л. Г. Криминалистическая характеристика убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев / Л. Г. Видонов. — Горький, 1978. — 122 с.

6. Лаврухин С. В. Значение криминалистических характеристик преступлений / С. В. Лаврухин // Вестник криминалистики. — 2011. — Вып. 1 (29). — С. 66–73.

7. Шумилов А. Ю. Сыскология, или Наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство / А. Ю. Шумилов // Оперативник (сыщик). — 2007. — № 4 (13). — С. 30.

8. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация : монография / С. С. Овчинский ; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. — М. : Инфра-М, 2000. — 367 с.

9. Исиченко А. П. Оперативно-розыскная характеристика преступлений: фантом или реальность? / А. П. Исиченко // Российский следователь. — 2015. — № 13. — С. 41–45.

10. Драпезо Р. Г. Применение информационных технологий и математики в судебно-медицинской и оперативно-розыскной работе по делам об убийствах, сопряженных с огнем как орудием (способом) сокрытия преступления / Р. Г. Драпезо // Медицинская экспертиза и право. — 2015. — № 1. — С. 21–27.

Информация об авторе

Драпезо Роман Григорьевич — старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кемеровского государственного университета, 650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, 1-й корпус КемГУ; e-mail: Uri_nit@kemsu.ru.

Information about the author

Drapezo, Roman G. — Senior Teacher Chair of Criminal Trial and Criminalistics of Law Department of the Kemerovo State University, 650043, Kemerovo, Krasnaya St., 6, 1st case of KEMSU; e-mail: Uri_nit@kemsu.ru.

**СИСТЕМЫ АКУСТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА
КАК СРЕДСТВО ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ОБЪЕКТАХ
СОЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

В статье автор раскрывает актуальность применения средств криминалистической техники в целях профилактики и предупреждения преступлений как одно из направлений деятельности правоохранительных органов, что подтверждается принятием различных федеральных программ. Успешно справляются с данной задачей современные системы акустического мониторинга, так называемые «умные уши-глаза». Объекты социального назначения, к сожалению, все чаще становятся мишенями террористов. Возможность оперативного реагирования на преступное событие и принятие решения оправдывает объемы финансирования по программе «Безопасный город».

Ключевые слова: средства технико-криминалистического обеспечения предупреждения и профилактики преступности, правоохранительные органы, Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности, оптические и акустические системы слежения, видеодетекторы движения, «умные уши-глаза», обеспечения безопасности на социальных объектах, «Безопасный город».

I.P. Kochneva

**SYSTEMS OF ACOUSTIC MONITORING AS MEANS
OF CRIMINALISTICS OF TECHNICS OF MAINTENANCE
OF PREVENTIVE MAINTENANCE AND THE PREVENTION
OF CRIMES FOR OBJECTS OF SOCIAL PURPOSE**

In article the author opens a urgency of application of means criminalistics of technics with a view of preventive maintenance and the prevention of crimes as one of directions of activity of law enforcement bodies that proves to be true acceptance of various federal programs. With the given problem modern systems of acoustic monitoring, so-called «clever ears — eyes» successfully cope. Objects of social purpose, unfortunately,

even more often become targets of terrorists. The opportunity of operative reaction to criminal event and decision-making justifies volumes of financing under the program «Safe city».

Keywords: means criminalistics of technics maintenance of the prevention and preventive maintenance of criminality, law enforcement bodies, maintenance of a social order and counteraction of criminality, optical and acoustic systems of tracking, videodetectors of movement, «clever ears — eyes», a safety on social objects, «Safe city».

Необходимость научного обоснования системы мер профилактики преступлений, их разработки и практической реализации всегда осознавалась научными и практическими работниками [1. с. 3]. Свой вклад в профилактику преступлений должна внести и криминалистика как наука, находящаяся, по определению классика криминалистики Н.П. Яблокова, на переднем крае борьбы с преступностью.

Нельзя не согласиться с С.С. Наумовым в том, что содержание технических мер по профилактике преступлений против общественного порядка, личной безопасности граждан и их собственности во многом зависит от особенностей конкретных видов (разновидностей) этих посягательств[2].

Продолжая разговор о применении средств технико-криминалистического обеспечения предупреждения и профилактики преступности, представляется целесообразным разделить точку зрения С.В. Бородина [3, с. 25], а также других ученых криминалистов, рассматривающих данные вопросы [4; 5]. Данная позиция основывается на том, что элементами организационных основ предупреждения преступлений являются соответствующее функционально-структурное и информационно-аналитическое обеспечение предупредительной деятельности правоохранительного органа, криминологическое прогнозирование, планирование и программирование, а также организация внутреннего и внешнего взаимодействия в сфере предупредительной работы [6, с. 95]¹.

Представляется, что в изложенном утверждении «красной нитью» прослеживается прямое указание на применение технико-

---

¹ О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

криминалистических мер, средств, методов и приемов профилактики и предупреждения преступлений.

Так называемые технические меры предупреждения и профилактики преступлений направлены на устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, путем внедрения и использования современных достижений научно-технического прогресса, позволяющих обеспечить повышение эффективности предупреждения различных видов преступлений.

Эти меры имеют, без преувеличения, огромную сферу применения и перспективу использования в практической деятельности по предупреждению широкого спектра различных правонарушений и преступлений. Проблема использования технических мер в предупредительной деятельности, на наш взгляд, заслуживает особого изучения и научного осмысления, так как на сегодняшний день в отечественной как криминологической, так и криминалистической литературе, уделяется пока еще явно недостаточно внимания роли и месту технических мер в предупреждении правонарушений и преступлений, обобщению и внедрению положительного опыта их применения. По этому вопросу мы уже писали ранее [7].

Несправедливым будет обвинять правоохранительные органы в бездействии по предупреждению и профилактике преступности. Совершенно ясно, что первоочередной задачей является раскрытие и объективное и всестороннее расследование уже случившихся преступных событий. Однако как была бы облегчена указанная деятельность, если бы технические средства предупреждения и профилактики уже работали во благо этих целей.

Вопрос предупреждения и профилактики преступлений остро стоит на повестке в правоохранительных органах. Правительством РФ разработана и утверждена Федеральная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 годов¹. В рамках которой запланированы такие операции силами и средствами подразделений орга-

---

¹ Об утверждении плана реализации государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства РФ от 21 янв. 2014 г. № 42-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru>.

нов МВД и Экспертно-криминалистических служб как, комплексная оперативно-профилактическая операция (на межведомственном уровне) «Мак» (совместно с ФСКН России, Минобороны России, ФСБ России, ФТС России); комплексная оперативно-профилактической операция «Розыск» (совместно с министерствами внутренних дел (полицией) государств — участников Содружества Независимых Государств); Обзор деятельности по итогам работы за 2015 г. (с предложениями по совершенствованию экспертно-криминалистической деятельности в борьбе с преступностью в 2016 г.) в экспертно-криминалистические подразделения территориальных органов МВД, оперативно-профилактическое мероприятие «Уголь», направленное на предотвращение хищений и контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов угольной промышленности.

В качестве средств раскрытия, расследования, а так же средств предупреждения и профилактики преступных событий на сегодняшний день нашли широкую область применения *оптические и акустические системы слежения*, контроля и фиксации внешней обстановки. Нельзя сказать, что данное техническое средство является революционно новым в развитии техники вообще. Ранее уже были внедрены средства систем охранного телевидения такого класса приборов, как *видеодетекторы движения*. Основным назначением детектора движения является повышение эффективности работы системы телевизионного наблюдения и снижение влияния человеческого фактора [4. с. 153]. Они то и явились родоначальниками акустических средств современного поколения.

На современном этапе ярким примером могут служить акустические детекторы, так называемые разработчиками «*умные уши-глаза*». Однако в целях служения правоохранительной деятельности это новые, или скорее, модифицированные и оптимизированные технические оптико-акустические средства.

Нельзя не отметить огромную значимость их работы. «Умные уши-глаза» обладают набором достоинств, т.е. тех технических характеристик, которые позволяют во время зафиксировать «увидеть и услышать» подозрительные звуки, предметы и объекты, издающие подозрительные звуки в особенности вблизи особо охраняемых объектов.

Принципиально комплекс акустического мониторинга состоит из видеокамеры с микрофоном на штативе, что дает ей возможность разворачиваться на 360 градусов. Видеокамера «услышав» подозритель-

ный звук, способна зафиксировать место от куда он исходит приблизив на мониторе эту точку для лучшего контроля со стороны оператора, который находится на достаточном удалении от объекта. Программный комплекс позволяет выводить на монитор записи в режиме on-line с нескольких камер, что значительно решает вопрос со штатом сотрудников, охраняющих объект по периметру, к примеру. Отпадает тот самый пресловутый субъективный фактор. Камера не отдыхает и не спит. К примеру, ситуация с вооруженным захватом объекта. При перещелкивании затвора огнестрельного оружия и снятии его с предохранителя видеочамера улавливает этот звук, так как образцы подобных звуков имеются уже в базе данных этого устройства, на достаточно большом расстоянии. Далее камера поворачивается на это звук, фиксирует точку, откуда звук издается, или точку выстрела, приближает изображение, специальной областью выделения опасных объектов показывает на мониторе на пульте оператора сколько субъектов, стволов оружия.

Специалисты, криминалисты отмечают повышение уровня безопасности на объектах, за доли секунды решается проблема, предотвращается и ли пресекаются преступные действия, задерживаются преступники. Сегодня этот программный комплекс стоит на вооружении органов внутренних дел и ФСИН России в специально созданных оперативных ситуационных центрах — «112» в Воронежской и Московской областях, в городах Воронеж и Москва. В ближайшее время планируется оснащение подобного центра в Костроме¹.

Область применения данного комплекса обширна. Но на наш взгляд, существует на сегодня острая проблема обеспечения безопасности на социальных объектах повышенной безопасности, в школах, детских садах, на детских площадках, в местах большого скопления народа (общественные места — метро, торговые центры, аквапарки, аэропорты, лифты и т.д.), которые зачастую становятся объектами террористических нападков.

Однако, техническое средство, любое создается человеком, т.е. присутствует человеческий фактор. Человеку по своей натуре свойственно ошибаться или нет возможности охватить все вопросы и сферы деятельности. Поэтому и данный комплекс не лишен недоработок и недостатков. Во-первых, в памяти системы на сегодняшний

---

¹ По материалам сайта Группы компаний «РТИ» (ОАО «ИТЦ «Система-Саров», ОАО «Дизайн центр «МИКРОН» и ОАО «ОКБ-Планета»).

день предусмотрено до 1,5 тысяч звуков. Как было выяснено экспериментальным путем, это не так уж и много. Во-вторых, не реагирует на детский плач, звук детских игрушек. Производитель не наделил такими параметрами.

Вместе с тем, как заявляют производители, это легко устранимые недостатки. Стоит лишь внести недостающие звуки в базу данных, проблема решена.

В-третьих, ни все видеокамеры имеют хорошую разрешающую способность. На эти недостатки видеокамер слежения постоянно обращают внимание эксперты-криминалисты. Невозможно идентифицировать субъекта, либо объект из-за качества съемки.

Думается, эти вопросы так же будут разрешимы в недалеком будущем. Очень большое количество различных оптических систем могло бы послужить, да и служит благим целям криминалистической профилактики и предупреждения, а также и оперативного раскрытия преступлений. Остается решить лишь один насущный и острый вопрос — финансирования реализации Федеральной программы «Безопасный город»¹ по обеспечению подобными техническими средствами. Стоит учитывать и тот факт, что преступники «умнеют» так же быстро, как развивается технический прогресс.

Однако поднятая проблема не одинока.

Чем активнее развиваются научно-технические средства и технологии, тем проблемнее вопрос правоприменения этих средств. Но, возможно ли согласиться с законодателем о запрете применения средств? На наш взгляд думается, что нельзя. Если запрещать каждый раз применения новейших средств и технологий, то, как верно заметил классик, Р.С. Белкин, можно поставить точку на научно-техническом прогрессе. Конечно, невозможно заранее предвидеть развитие научно-технического прогресса и дать исчерпывающий список научно-технических средств, использование которых в уголовном судопроизводстве было бы правомерно. Справедливым было бы предложить законодателю закрепление общих принципов допустимости технико-криминалистических средств так же и в процессе предупреждения и профилактики преступлений.

---

¹ Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» : распоряжение Правительства РФ от 3 дек. 2014 г. № 2446-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50. Ст. 7220.

Список использованной литературы

1. Косов А. В. Предупреждение преступлений с помощью технико-криминалистических средств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Косов. — М., 2005. — 23 с.
2. Наумов С. С. Профилактика преступлений с помощью технических средств : дис. .... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. С. Наумов. — М., 2001. — 196 с.
3. Бородин С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С. В. Бородин. — М. : Наука, 1990. — 272 с.
4. Родин А. Ф. Использование компьютерных технологий в деятельности следователя / А. Ф. Родин, В. Б. Вехов ; под ред. Б. П. Смагоринского. — Волгоград : Волгогр. акад. МВД России, 2003. — 156 с.
5. Сергеев Н. А. Возможности использования приборов наблюдения в предупреждении и раскрытии преступлений / Н. А. Сергеев // Криминалистика XXI века : материалы науч.-практ. конф. : в 2 т. — М. : Эксперт.-криминалист. центр ГУ МВД России, 2001. — Т. 1. — С. 153–155.
6. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : учебник / под ред. В. Д. Малкова, А. Ф. Токарева. — М. : Акад. упр. МВД России, 2000. — 322 с.
7. Кочнева И. П. К вопросу о технико-криминалистических средствах предупреждения и профилактики совершения преступлений / И. П. Кочнева // Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук. Вып. 6 : сб. науч. ст. ежегод. Межрегион. науч.-практ. конф. Петропавловск-Камчатский, 8–12 февр. 2016 г. / отв. ред. В. В. Федоров, Р. И. Паровик. — Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. Витуса Беринга, 2016. — С. 104–109.

Информация об авторе

Кочнева Ирина Павловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга «КамГУ им. Витуса Беринга», зав. криминалистической лабораторией, 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная 4, e-mail: kochnevsib66@rambler.ru.

Information about the author

Kochneva Irina P. — the candidate of jurisprudence, the senior lecturer of faculty of jurisprudence of the Kamchatka State University of a name of Vitus Beringa, Petropavlovsk-Kamchatka, 683032, Pogradichnaya st. 4, e-mail: kochnevsib66@rambler.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕСТУПНОЙ ИНСЦЕНИРОВКИ

В статье подвергнут исследованию традиционный подход к определению инсценировки. Обоснованы причины ограниченности такого подхода и приведены убедительные доводы противоположной позиции к определению инсценировки преступлений. По своей сущности она способна выполнить функцию как способа при подготовке к совершению преступлений, так и способа по их совершению, а не только способа по сокрытию. Это результат неординарных действий, «фантазий» и развитого интеллекта преступника. Тщательно изучены ее цели, которые при осуществлении некоторых преступлений способны выйти за границы «классической» инсценировки и направлены на достижение преступного результата. Выделены универсальные признаки инсценировки (негативные обстоятельства) и другие особенности преступлений, усложненных инсценировкой. Даны научно-обоснованные рекомендации по расследованию отдельных составов преступлений, совершенных и скрытых криминальной инсценировкой.

Ключевые слова: противодействие расследованию, способы сокрытий преступлений, инсценировка, убийство, инсценировка ДТП.

A.A. Protasevich, A.Y. Korshunov

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL DRAMATIZATION

The subject of the article is the traditional approach to the definition of the dramatization. The reasons of its limitation are proved and convincing arguments for the opposite position to the definition of dramatization crimes are presented. In essence, it can function both the functions as a method in preparation for commission of the crime and the way they commit, not only the method of concealment. This is the result of extraordinary actions, «fantasies» and developed intellect of a criminal. The purposes, which can go beyond the «classical» dramatization in the implementation of certain crimes, are well studied and directed to the criminal results. The universal signs of dramatization (negative circumstances) and

other features of the crime sophisticated by the dramatization are emphasized. There are scientifically based recommendations of the investigation on certain offenses committed and hidden by crime dramatization.

Keywords: opposition to the investigation, methods of concealment of crimes, dramatization, assassination, dramatization of road accidents.

Каждый человек, будущий преступник, чтобы совершить преступление должен перейти какую-то границу, барьер. И когда он пройден, то у него в сознании и поведении начинают властвовать инстинкты, основной из них: достигнув криминальной цели своего проступка, не понести за него ответственности.

Это чувство страха побуждает человека к использованию изощрённых действий и средств, активизирует его фантазию, толкает на неординарные поступки.

Накопив достаточно знаний или опыта в подобных делах, преступник ищет более «безопасные» или «изобретает» новые способы по совершению и сокрытию преступлений.

Он уже приобрел теоретическую базу, полностью изучил «классический» подход к расследованию и все чаще использует свой продвинутый интеллект в определенной области при совершении преступлений.

Инсценировка — это результат подобного прогресса преступника.

Через криминальную инсценировку он реализует свои интеллектуальные «фантазии», что создаёт определённые трудности в расследовании.

Инсценировщик, как хищник, «играет» со своей жертвой, «дразнит» своих соперников. Он уверен лишь в своей безнаказанности, пойдет на любой шанс и риск, чтобы избежать ответственности.

Это и заводит его в ловушку.

Ведь «Каждое действие рождает противодействие», и следовательно, как основной противник преступника, должен преодолеть все преграды, решить любую задачу, чтобы поймать преступника.

Согласно исследованию следственной и судебной практики П.В. Малышкина, к инсценировке преступники прибегают довольно редко, лишь в 14 % случаев [1, с. 51].

Но инсценировка давно вышла за пределы только одного способа совершения преступлений и при сокрытии преступлений, в теории уже апробировались новейшие подходы на ее роль при подготовке

преступлений, отвечающие действующей практике в расследовании и раскрытии преступлений.

Так, В.И. Фадеев в своей монографии говорит об «узости» «классических» определений инсценировки: другие авторы «привязывают» ее только к сокрытию преступлений, что характерно лишь в «традиционных» преступлениях, но инсценировка способна выполнить и функцию способа при совершении преступлений» [2, с. 15].

Установить инсценировку, обнаружить ее признаки достаточно трудно, ведь ее роль только изображается посредственной, а в действительности, необходимо признать, что это уже давно «основа» отдельных составов преступлений.

Ее уже давно пора изучать с двух позиций: как деятельность по сокрытию подготавливаемых или уже совершенных преступлений и как итог, результат этой деятельности [2, с. 18].

К сожалению, у большинства ученых-криминалистов вызывает острую дискуссию вопрос и о цели преступной инсценировки, который точно «выпадает» из общепризнанной ее интерпретации как одного из способов по сокрытию преступлений.

Так, Д.А. Глотов в своих работах очень часто утверждает, что инсценировку не следует изучать с других позиций (способа при подготовке, способа по совершению преступлений), т.к. она включает в себе абсолютно иную целевую направленность [3, с. 108].

Такой ограниченный подход к сущности инсценировки преобладает в теории довольно долго, практика же стабильно критикует его: преступники в большинстве случаев тщательно разрабатывают свое будущее преступление и очень часто прибегают к использованию преступной инсценировки как одного из средств, способствующих их совершению и направленных на других лиц (потерпевшего, в случаи страхового мошенничества).

Основа цели инсценировки — это предвидимый и желаемый результат, который хочет получить субъект инсценировки в результате своих действий. И в подобных ситуациях цель по сокрытию уступает ведущую роль другой более важной цели преступника — достигнуть определенного преступного результата любой ценой.

Это подтверждают и результаты проведенных исследований, опроса 15 действующих и 15 будущих работников полиции, суда и прокуратуры: четверть из них (20%) считают, что цель инсценировки — достигнуть определенного результата, 26% — скрыть следы

преступлений, 40% — допускают обе из представленных целей, а 14% — указали другие цели при совершении преступлений, усложнённых инсценировкой.

Сущность инсценировки, ее направленность позволяют выполнить другие функции и решить абсолютно разные задачи при совершении преступлений, а не только способа по их сокрытию [4, с. 24].

Так, В.И. Фадеев говорит, что в УК РФ закреплено одиннадцать составов преступлений, диспозиции которых по существу представляют собой инсценировки преступных событий. А в более поздних исследованиях В.В. Дементьева, В.В. Степанова указаны уже тридцать два состава, содержащих «признаки инсценировок».

Еще одной особенностью инсценировки следует считать то, что с позиции науки способ по совершению и способ по сокрытию преступлений — это две разные группы действий с различной направленностью.

Однако при инсценировке убийства способ по его совершению и способ по сокрытию следов объединены в единую, общую конструкцию, отличающую ее от традиционных представлений о способах убийства, существующих в действительности.

Чаще всего преступники желают утаить факт убийства определенного лица, но бывают случаи, когда при совершении преступлений, преступники в желании уйти от ответственности скрывают лишь конкретную причину его гибели [5, с. 85].

И цель преступника при инсценировке убийства только одна — убить жертву и одновременно скрыть свои следы.

А, как утверждает В.В. Скрипченко: «Довольно часто на практике бывают случаи, которые можно было бы трактовать как убийство, но доказать это просто нереально» [6, с. 3].

Достаточно часто преступник инсценирует суицид жертвы. В подтверждении этого можно указать следующее: за 2011 г. прокуроры РФ разоблачили более двухсот убийств, укрытых от учета, но эти цифры, согласно Р.Г. Ардашеву, должны быть увеличены в разы [7, с. 238].

Часто преступник «искажает» не один, пусть даже очень важный след во всей следовой обстановке, а создаёт совокупность ложных следов и даже событий. Они нередко бывают подтверждены экспертизой, ревизией и очевидцами произошедшего.

То есть при расследовании инсценировок нужно критически подходить ко всей полученной информации о преступлении, тщательно исследовать обстановку и обнаруженные следы.

Следователь должен выстраивать сразу несколько версий и через их опровержение устанавливать истинную картину произошедшего.

Интересными чертами обладают инсценировки ДТП, количество которых неуклонно растёт.

Инсценировка здесь способна выполнить роль как способа по совершению и сокрытию страхового мошенничества, так и лишь способа по сокрытию других преступлений.

Этот фактор в совокупности со сложностью в обнаружении следов и других признаков, указывающих на инсценировку и обусловленных природой следов и обстановкой ДТП, нарушает привычную логику и создает определенные трудности при расследовании и раскрытии подобных преступлений [8, с. 42].

Свои «нетрадиционные» черты содержит инсценировка преступлений в области информационных и компьютерных технологий.

При совершении инсценировки преступлений в области компьютерной информации преступник как бы создает виртуальную реальность, искажающую следы его преступной активности [9, с. 79].

А ее особенности вызваны высокой эффективностью и результативностью действий, средств, способов по противодействию расследованию.

Еще при подготовке к совершению преступлений в этой области, будущий преступник продумывает варианты по их последующему сокрытию с помощью достаточно сложных технических средств. От сложности и своеобразной «хитрости» которых зависит то, будет ли обнаружено его преступление. Способ инсценировки обусловлен технической оснащенностью преступника.

И, наконец, согласно определению «классической» инсценировки, она — это результат действий только преступника, но относительно исследуемой категории преступлений, к участию в совершении инсценировки преступник может привлечь лиц, не знающих о ее преступной направленности (различных специалистов в данной области), способных усовершенствовать действующие технические средства [10, с. 45].

Привлекательность же преступных инсценировок в области компьютерной информации вызвана их способностью в достижении преступного результата при сохранении анонимности преступника.

Все это подчеркивает отсталость теоретических подходов, считающих инсценировку лишь способом в сокрытии преступлений.

Необходимо уже отойти от «классической» инсценировки и внедрить совокупность полученных новых знаний об инсценировке в процесс по расследованию и раскрытию преступлений, усложненных инсценировкой.

Список использованной литературы

1. Малышкин П. В. Вопросы детерминации преступных инсценировок / П. В. Малышкин // Следователь. — 2009. — № 3. — С. 50–53.
2. Фадеев В. И. Расследование криминальных инсценировок / В. И. Фадеев. — М. : Норма, 2009. — 160 с.
3. Глотов Д. А. Инсценировка: преступление или право на защиту / Д. А. Глотов // Закон и право. — 2013. — № 9. — С. 107–109.
4. Малышкин П. В. Понятие, сущность и виды преступных инсценировок, их логико-психологическая природа / П. В. Малышкин // Следователь. — 2008. — № 12 (128). — С. 17–27.
5. Федотенко Д. Г. Криминалистическая особенность инсценировки как способа сокрытия преступлений / Д. Г. Федотенко // Государство и право. — 2014. — С. 84–86.
6. Скрипниченко В. В. К вопросу о раскрываемости убийств (заметки судмедэксперта) / В. В. Скрипниченко // Российский следователь. — 2009. — № 10. — С. 3–4.
7. Фомина А. С. Особенности расследования преступлений прошлых лет / А. С. Фомина // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. О. Я. Баева. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2014. — Вып. 16. — С. 234–244.
8. Саковский А. А. Выявление инсценировок дорожно-транспортных происшествий / А. А. Саковский // Психопедагогика в правоохранительных органах. — 2013. — № 2 (53). — С. 41–44.
9. Косынкин А. А. Инсценировка как форма противодействия расследованию преступлений в сфере компьютерной информации / А. А. Косынкин // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 29 (244). — С. 78–80.
10. Малышкин П. В. Способы сокрытия преступлений, совершаемых с применением информационных компьютерных технологий / П. В. Малышкин // Вестник Мордовского университета. — 2014. — № 4. — С. 42–47.

Информация об авторе

Протасевич Александр Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института Байкальского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Коршунов Алексей Юрьевич — магистрант кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: infern1991@gmail.com.

Information about the author

Protasevich, Alexander A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Law Institute of the Baikal State University, 664003 Irkutsk, Lenin str., 11.

Korshunov, Alexey Yu. — Graduate Student of the Department of Criminology, Forensics and Legal Psychology, Law Institute, Baikal State University, 664003 Irkutsk, Lenin str., 11; e-mail: infern1991@gmail.com.

УДК 343.721

Е.Г. Сахарова

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ И ДОКАЗЫВАНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В статье анализируются основные направления производства предварительной проверки по фактам мошеннических действий в сфере кредитования с перечислением возможных действий, направленных на первоначальный сбор доказательств. Рассматриваются отдельные вопросы доказывания по рассматриваемой категории преступлений путем перечисления обстоятельств, совокупность которых может подтвердить наличие умысла на совершение преступления. Предлагается перечень следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования.

Ключевые слова: кредитно-финансовая система, мошенничество, кредит, предварительная проверка, доказывание, следственные действия.

SELECTED ISSUES OF PRODUCTION PRELIMINARY TESTING OF PROOF OF FRAUD IN LENDING

The article analyzes the main directions of production preliminary check on the fact of fraud in lending, listing possible actions for the initial collection of evidence. Discusses special issues of proof for this category of crimes by enumeration of the circumstances the totality of which can confirm the presence of intent to commit the crime. A list of investigative actions undertaken at the initial stage of the investigation.

Keywords: credit-financial system, fraud, credit, pre-testing, proving, investigations.

В современных условиях России для обеспечения стабильного функционирования денежной системы и всего хозяйственного комплекса важное значение имеет кредитно-финансовая сфера. Банковская сфера, являющаяся частью кредитно-финансовой сферы, наиболее подвержена преступным посягательствам.

Эффективное расследование уголовных дел о мошеннических действиях в сфере кредитования зависит от четких спланированных действий на стадии предварительной проверки сообщения о совершенном преступлении. При этом необходимо руководствоваться общими рекомендациями по осуществлению проверки сообщения о преступлении [1; 2], а также следует выделить особенности проверки, присущие рассматриваемому составу преступления.

Как отмечают ученые поводом для возбуждения уголовного дела по фактам мошеннических действий в сфере кредитования относятся: заявление банка или иного кредитора о хищении денежных средств юридическим лицом (индивидуальным предпринимателем) по документам, заведомая ложность (недостоверность) которых была установлена после невозвращения кредита; заявление кредитной организации о предъявлении заемщиком в целях получения кредита документов, содержащих заведомо ложные сведения; заявление Центрального банка РФ, Агентства по страхованию вкладов о выявленных в процессе проверки кредитной организации, проведения процедуры банкротства фактов невозвращения кредита, выданного по поддельным документам [3, с. 114–115].

заявление кредитной организации о предъявлении заемщиком в целях получения кредита документов, содержащих заведомо ложные (недостоверные) сведения;

При планировании предварительной проверки информации о преступлении, содержащейся в заявлении необходимо учитывать особенности квалификации данного состава, о которых написано немало научных статей [4; 5]. По нашему мнению, целесообразно осуществить следующие действия, направленные на первоначальный сбор доказательств:

1. Истребовать документы и изучить их содержание на предмет достоверности:

а) характеризующих личность субъекта преступления и его правоспособность;

б) подтверждающих наличие у заемщика имущества (в том числе имущества, передаваемого в залог), отсутствие различных видов задолженностей, в том числе просроченной (например, по налогам и иным обязательным платежам), наличие устойчивых хозяйственных связей с третьими лицами и т.п.: анкета заемщика, договоры, накладные, счета-фактуры, технические паспорта, свидетельства о собственности, выписки из ЕГРП и т.п.;

в) подтверждающие цель получения кредита, источники его погашения: бизнес-план, экономическое обоснование, договоры с третьими лицами, в пользу которых предполагается осуществлять платежи за счет кредита;

г) содержащие обязательства иных лиц на погашение кредита в случае неисполнения заемщиком взятой обязанности: договоры поручительства, банковские гарантии, договоры залога и документы, подтверждающие право собственности залогодателя на имущество, а также финансовое положение и правовой статус поручителей, залогодателей и гарантов;

д) отражающие факт получения кредита: анкета, заполненная и подписанная субъектом; заявление на получение кредита; копии учредительных и иных правоустанавливающих документов (устав, учредительный договор, свидетельство о государственной регистрации, договор с заемщиком); карточка с образцами подписей руководителя и главного бухгалтера, оттиском печати, заверенные нотариально; технико-экономические расчеты предполагаемой окупаемости кредитуемых затрат; сведения о кредитах, полученных в других банках и др.;

е) подтверждающие факт противоправного изъятия денежных средств или товаров путем передачи их от собственника (организации-кредитора или от частного лица, фактически выступающего добросовестным заемщиком) к субъекту преступления по кредитному договору (по личной договоренности): договор предоставления финансовых или материальных средств, заключенный на условиях их реализации путем потребительского кредита; первичные документы бухгалтерского учета, которыми оформлялась в соответствии с данным договором непосредственная передача денег (товара) от организации-кредитора к заемщику и т.д.;

ж) раскрывающие и обосновывающие размер причиненного ущерба;

з) отражающие результаты различного рода проверок: акты ревизий, аудиторских и иных документальных проверок;

и) иные документы: решения, принимаемые руководством банковских учреждений и др.

Недостоверность представленных документов может быть подтверждена путем осмотра документов; производства судебных экспертиз; протоколами выемки, обыска; протоколами допроса свидетелей, потерпевших; документами, полученными в налоговых и иных государственных органах или у контрагентов заемщика.

В зависимости от вида кредита на стадии предварительной проверки дополнительно должны быть собраны и проанализированы документы, которые будут служить доказательством события преступления и частично умысла на его совершение.

2. Получение информации, содержащейся в информационных учетах (поисковых системах), оперативных учетах МВД РФ (в том числе по массиву автоматизированной поисковой системы АИПС «Досье-Мошенник», оперативно-розыскного учета похищенных, утраченных паспортов, бланков паспортов и паспортов скрывшихся преступников).

3. Получение объяснений от субъектов преступления; свидетелей, к числу которых относятся лица, обладающие сведениями об обстоятельствах получения кредита, материальном положении заемщика, фактах приобретения им движимого и недвижимого имущества, кредиторских задолженностях.

Особенностями доказывания по данной категории уголовных дел является установление таких обстоятельств, как: время и место

(банк или иной кредитор) совершения преступления; условия заключения кредитного договора, недостоверность или заведомая ложность сведений, внесенных в документы, представленных в обосновании кредитной заявки и как обеспечение исполнения кредитных обязательств; обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого; фактическое расходование кредитных средств; вина, цель, мотивы и способ совершения преступления.

Доказательствами необоснованного расходования полученного кредита для личных целей в полном объеме или частично, являются выписки по счетам, платежные поручения, расходные ордера, договоры, счета-фактуры, накладные, показания свидетелей и потерпевших, протоколы осмотра, обыска, выемки и т.п.

Действия заемщика, связанные с воспрепятствованием кредитором в обращении взыскания на имущество заемщика путем вывода активов (включая предмет залога) из-под взыскания, оспариванием договоров залога, поручительств, банкротством (в том числе и преднамеренным) заемщика и т.п. подтверждаются данными, содержащимися в договорах, заключениях экспертиз, судебных актах, показаний свидетелей, потерпевших, выписок из ЕГРП и т.п.

При доказывании умысла на хищение кредита необходимо подтвердить факт осознания лицом невозможности возврата кредита и совершение действий по невыполнению обязательств по возврату денежных средств [6, с. 56]. В связи с этим требуется установить совокупность следующих обстоятельств в различных их сочетаниях в зависимости от обстоятельств преступного события:

завышение оценки имущества, передаваемого в залог банку с целью создания мнения об обеспеченности кредита;

частичное целевое использование кредита с целью создания видимости добросовестности;

сокрытие от банка информации о непогашенном кредите, представление в банк поддельных документов, подтверждающих наличие дебиторской задолженности и устойчивое финансовое положение;

инициирование заемщиком судебных заседаний с целью изъятия из собственности заемщика объектов недвижимости, с последующим обременением этого имущества залогами других банков;

наличие достаточных знаний и навыков предпринимателя, высшего образования и достаточного опыта работы, позволяющих подсудимому заведомо знать о ложности представляемых им в банк све-

дений, искажавших реальное финансовое состояние индивидуального предпринимателя;

перечисление кредита на счета фирмы-однодневки, которая не ведет реальной финансово-хозяйственной деятельности, а учредители и сотрудники которой отрицают причастность к учреждению и деятельности фирмы;

представление в банк баланса и иных документов о хозяйственной деятельности и финансовом положении, содержащих заведомо недостоверную информацию;

использование поддельных документов, подтверждающих право собственности на предмет залога, платежных поручений и доверенностей;

легализация кредитных средств с помощью фирм-однодневок;

уклонение от регистрации договора ипотеки;

продажа заемщиком имущества, находящегося в залоге у банка, без согласия банка и использование вырученных средств не для погашения кредита др.

К числу следственных действий, проводимых на первоначальном этапе расследования, относятся:

наложение ареста на имущество осуществляется в соответствии со ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)¹. При наложении ареста на принадлежащие подозреваемому денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках или иных кредитных организациях, операции по данному счету прекращаются полностью или частично в пределах денежных средств и иных ценностей, на которые наложен арест. В соответствии с ч. 7 ст. 115 УПК РФ руководители банков или иных кредитных организаций обязаны предоставить информацию об этих денежных средствах и иных ценностях, в том числе по запросу дознавателя;

обыск проводится для отыскания и изъятия материальных ценностей, на приобретение которых расходовались заемные средства; поддельные печати, а также незаполненные бланки с печатями органов и организаций и т.п.;

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22 ноября 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921 ; 2015. № 10. Ст. 1417.

допрос подозреваемого проводится для установления обстоятельств получения кредита, круг документов, собранных и переданных в банк для его получения, перечень заведомо ложных (недостоверных) сведений, внесенных в них, обстоятельства изготовления и использования поддельных документов, в том числе паспорта, справки о доходах, с места работы, жительства, на какие цели потрачены кредитные средства; причины совершения мошенничества и т.п.;

допрос свидетелей, в качестве которых в зависимости от способа совершенного преступления, вида кредита допрашиваться сотрудники банка, в том числе кредитный инспектор, сотрудники торгово-сервисных предприятий, автосалонов, налоговых органов, сотрудники организации заемщика, страховых организаций, родственники, знакомые, соседи, сослуживцы, поручители и иные лица. В ходе допроса свидетелей, в зависимости от известных им обстоятельств выясняются условия и порядок кредитования, сумма выданного кредита, направления его расходования, круг действий по составлению подложных документов, кто и каким способом внес заведомо ложные (недостоверные) сведения в документы, какие печати и бланки при этом использовались, являлись ли они поддельными, приобреталось ли подозреваемым движимое и недвижимое имущество, изменял ли он место жительства, работы, номер сотового телефона и т.п.

Поскольку мошенничество в сфере кредитования относится к категории экономических преступлений, при его расследовании назначается комплекс экспертиз, свойственных данной категории [7]. Типичными судебными экспертизами, как правило, являются технико-криминалистическая, почерковедческая, финансово-экономические экспертизы, в частности финансово-кредитные.

Таким образом для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и в ходе дальнейшего доказывания по фактам мошенничества в сфере кредитования следователю (дознавателю) необходимо исследовать широкий спектр нормативно-правовых актов и определить расхождения в действиях виновных лиц с требованиями законодательства.

Список использованной литературы

1. Основы деятельности дознавателей органов внутренних дел на первоначальном этапе расследования преступлений : учеб.-нагляд. пособие. Тюмень : ТИПК МВД России, 2015. — 124 с.

2. Паутова Т. А. Проверка сообщения о преступлении: учеб.-практ. пособие / Т. А. Паутова, С. С. Чернова. — Тюмень : Моск. ин-т гос. упр. и права (фил. в Тюм. обл.), 2015. — 50 с.

3. Проблемы предварительного следствия и дознания : сб. науч. тр. № 23 по материалам межвед. семинара-совещания «Органы дознания в системе МВД России в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. — М. : ВНИИ МВД России, 2014. — 160 с.

4. Александрова И. А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И. А. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 21. — С. 54–62.

5. Степанов М. В. Уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования (ст. 159. 1 УК РФ) / М. В. Степанов // Проблемы в российском законодательстве. — 2014. — № 3. — С. 133–136.

6. Малинин В. Б. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования» / В. Б. Малинин, И. В. Лобочкая // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 3 (41). — С. 169–178.

7. Сахарова Е. Г. Повышение квалификации следователей органов внутренних дел в сфере назначения экспертиз по делам об экономических преступлениях : учеб.-практ. пособие / Е. Г. Сахарова. — Тюмень : Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. — 90 с.

Информация об авторе

Сахарова Евгения Григорьевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75; e-mail: saxarowaewgenia@mail.ru.

Information about the author

Sakharova, Evgenia G. — Senior Teacher of Chair of the Organization of Investigation of Crimes and Judicial Examinations of the Tyumen Institute of Professional Development of Staff of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Tyumen, Amurskaia St. 75, Tyumen, 625049; e-mail: saxarowaewgenia@mail.ru.

**НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И ИНЫХ СОСТОЯНИЙ
В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИНЫ — ПРЕСТУПНИЦЫ:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Одним из основных способов изучения личности в уголовном судопроизводстве являются судебные экспертизы. В статье анализируются основания назначения судебно — психологической экспертизы эмоциональных и иных состояний женщины - подозреваемой, обвиняемой, которые являются необходимостью изучения ее психофизиологического состояния в момент совершения преступления. Автор предлагает внести дополнение в УПК РФ, предусмотрев норму о необходимости привлечения специалиста для формулирования вопросов эксперту.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, судебные экспертизы, подозреваемая, обвиняемая женщина, эмоциональное состояние.

Т.Е. Shchenina

**THE APPOINTMENT OF FORENSIC PSYCHOLOGICAL
EXAMINATION OF THE EMOTIONAL AND OTHER STATES IN
RELATION TO WOMEN CRIMINALS: AN URGENT ISSUE**

One of the main methods of studying of the person in criminal proceedings are judicial examination. The article analyzes the grounds for the appointment of forensic psychological examination of the emotional and other States of the female suspect, defendant, which is the need to explore its psychophysiological state at the time of the crime. The author offers to amend the code of criminal procedure, to include the provision on the need to involve a specialist to formulate questions to the expert.

Keywords: criminal justice, forensic examination, the suspect, the accused woman's emotional state.

Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных и иных состояний личности, проводится для установления у женщины состо-

яний аффекта (аффект, сильное и внезапное душевное потрясение, способное помрачить рассудок и вызвать ряд безотчетных действий; иногда причина преступления и считается условием невменяемости или обстоятельством, смягчающим вину) [1, с. 73–81] и иных эмоциональных состояний. Судебная психология дает уникальный материал для понимания того, каким образом врожденные биологические различия трансформируются в социальные, культурные, поведенческие проявления, имеющие отношения к делинквентности и криминальности. Существует масса доказательств связи поведенческих расстройств, включающая связь импульсивного криминального поведения с менструальным циклом. Правонарушения женщины связаны скорее с поведенческими, чем с аффективными симптомами предменструального синдрома. В менструальный период у женщины в крови увеличивается количество тестостерона — вещества, которое может способствовать ослаблению самоконтроля и повышению агрессивности на некоторое время. Криминальное поведение женщины связано с менструальным циклом, точнее с предменструальным напряжением, имеется масса доказательств, существующей связи между криминальным поведением и периодом параменструума, но не обязательно, что каждая женщина склонна к совершению преступления в предменструальный период; это относится к «уязвимой» женщине, которая вообще склонна к импульсивному поведению. Критичность заключается в том, что перестройка организма, происходящая в этот период, особенно опасна в психологическом отношении.

Учеными А.Е. Личко, Н.Я. Ивановым, Л.С. Саблиной, М.М. Мальцевой, В.П. Котовым были предложены разнообразные объяснения корреляции между преступным поведением и менструальным циклом. Ю.Б. Свирин, исследуя связи между работой половой системы и социальным поведением женщины, основывался на исследованиях Л. Вальцелли, доказывающих, что преступления агрессивного характера женщиной были совершены в момент ее менструального цикла. Ссылаясь на результаты исследований эндокринологов, считающих, что в момент внутриутробного развития существует критический период от 4 до 7 месяцев, когда мозг очень чувствителен к воздействию половых гормонов, как мужских, так и женских, Ю.Б. Свирин пришел к выводу, «что гормоны могут повышать или понижать агрессивное состояние человека, толкая его к совершению преступления...» [2, с. 23].

Психологический стресс, как известно, может ускорить или замедлить наступление менструации. Были предложены объяснения влияния гормональных факторов, хотя постоянных биохимических отклонений обнаружено не было. Выявить непосредственную связь предменструального синдрома с криминальным поведением женщины довольно сложно, поэтому ряд исследователей: Т.Б. Дмитриева, К.Л. Иммерман, М.А. Качаева, Л.В. Ромасенко наиболее адекватными считают указания на опосредствование или «фактор толчка» [3, с. 7, 22]. С.М. Иншаков также утверждал, что на женщин предменструальное напряжение действует как толчок для совершения преступления [4, с. 262].

Наличие предменструального синдрома используется в ряде стран стороной защиты в суде. Так, в Англии данное обстоятельство принимается судом в качестве смягчающего ответственность фактора. Иногда его используют в качестве основания для применения категории уменьшенной вменяемости. В США предменструальный синдром рассматривается в качестве «фактора смягчения», если психиатр докажет временное болезненное расстройство психики. В Канаде данный факт также используется для обоснования смягчения приговора. В США довольно часто практикуют помощь суду присяжных психиатра и психолога, которые могут определить состояние женщины в момент совершения убийства и пояснить, действительно ли она была убеждена в грозящей ее жизни опасности. На подобных процессах женщине выносится оправдательный приговор, если эксперты доказывают, что деликт совершался при осознании опасности жизни. Защитники добиваются вердикта невиновности, основываясь на том, что женщина действовала рационально в ситуации, требовавшей самообороны [5, с. 151–152].

Менопауза рассматривается в судебной психиатрии с возрастным «вторым пиком» женской преступности. В 1890 г. Э. Крепелин ввел термин «инволюционная меланхолия», описывающий синдром выраженной депрессии, ипохондрии и слабой концентрации внимания у женщин в менопаузе [6, с. 73]. В начале XX в. З.Фрейд упрочил восприятие нервных расстройств, в частности, истерического невроза как типично женского психического нарушения, подобно древнегреческим врачам, объясняя его через нарушение функции матки. Гиппократ в IV в. до н.э. связывал сумасшествие у женщин с маткой — «*hysteron*» (греч.), отсюда произошел термин «истерия». В те класси-

ческие времена женский пол ассоциировался с неизвестным, мистическим и опасным. Подобные верования приписывали женщинам иррациональность, неразумность, что приближало их к описанию психически и умственно больных или нестабильных.

Однако не совсем правильно учитывать только гормональный и физиологический факторы при объяснении роста женской преступности в этот период, значение имеет целый комплекс факторов, особенно психологических и социальных, обусловленных проблемой одиночества, старения, утраты привлекательности и т.д.

Большой вклад в изучение проблемы депрессий во второй половине жизни внесли сотрудники ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, которые проводили анализ соотношения патологической почвы и психогении при различных формах психических заболеваний у женщин — Т.Б. Дмитриева, К.Л. Иммерман, Э.С. Наталевич, Т.П. Печерникова, Е.А. Щукина. Кроме того, гормональные и физиологические особенности женского организма определяют эмоциональность женщины [7, с. 193].

Например, роды для нее являются специфическим стрессом, на фоне которого в период, относящийся к совершению детоубийства, у женщины отмечается острая растерянность, дезорганизация поведения, недостаточный учет своих действий и отсутствие адекватной оценки ситуации в целом. Психологи считают, что родовой акт влияет на нервную и сосудистую системы женщины и может привести к более или менее выраженным изменениям психики. По свидетельству самих рожениц, болезненные физиологические процессы при родах и эмоциональное состояние, сливаются в один настолько бурный процесс, что могут полностью подчинить волю женщины и изменить ее действия в направлении скорейшего избавления от всех этих мук [4, с. 43–45].

По свидетельству врачей, в послеродовой период у женщины наблюдаются психические расстройства, которые проявляются в форме невротозов, повышенной психологической лабильности, состоянии легкой депрессии и детерминированы эндокринными изменениями. Эти психические расстройства бывают значительно тяжелее, если они подготовлены длительным негативным воздействием со стороны родственников роженицы, либо ее тяжелым социальным положением и т.д.

Большое значение, по мнению Н.Д. Гомонова, имеет пуэральный (послеродовой период), который связан с совершением де-

тоубийства [7, с. 149]. В то же время имеется немало данных о том, что существующие факты связи агрессии с гормональными влияниями необычайно сложны и неоднозначны. Известно, что когнитивные, т.е. следствие по делу [4, с. 309] факторы, и факторы окружающей среды, модифицируют эндогенные, а социальные знания активно влияют на эмоциональную чувствительность, связанную с гормональными изменениями.

Законодательство РФ не приравнивает к болезням нормальное функционирование организма женщины — беременность и не учитывает ее смягчающим наказанием фактором при совершении преступления, а также не привлекает в судебное заседание ни психолога, ни психиатра. Уголовное законодательство в определенной мере учитывает специфику некоторых агрессивных действий женщины, например, ст. 106 УК РФ предусматривает дифференцированные меры наказания в отношении женщины, совершившей убийство новорожденного, подчеркивая необходимость учета особых психофизиологических состояний и специфических психотравмирующих ситуаций в послеродовом периоде.

Следователь (дознатель) обязан учитывать данное обстоятельство и вместе с тем различать психическое состояние каждой конкретной женщины. В качестве примера (Уголовное дело №1-155-2015 15/7505), обвиняемой М. в убийстве своего мужа. В ходе следствия было выяснено, что М. 28 лет, имеет высшее музыкальное образование. Занимала должность музыкального работника в дошкольном учреждении, а по вечерам пела в церковном хоре. С будущим мужем познакомилась на работе, куда он возил продукты, работая водителем. После непродолжительного знакомства они женились. Жили в частном доме, принадлежавшем мужу. Через некоторое время муж стал выражать недовольство тем, что М. по вечерам отсутствует, а сам в выходные дни стал злоупотреблять спиртным. Когда М. сообщила мужу, что беременна, и ждет рождения ребенка, он выразил вначале недовольство этим. А впоследствии стал говорить, что сам «выдавит» его. Несколько раз бил ее по животу, прижигал руки сигаретой. В один из выходных дней, выпив значительное количество алкоголя, он вновь стал издеваться над женой на приусадебном участке, а затем бросил в живот бутылкой. М. заплакала и убежала в дом, а ее муж остался во флигеле. Потом ей понадобилось пройти через флигель во двор дома, и, когда она проходила мимо спящего мужа, он

вдруг открыл глаза и потянулся руками к ее животу. М. схватила лежавший на полке топор и нанесла мужу множественные рубленые раны головы и тела, от которых тот скончался. После она просидела на крыльце дома около двух часов, а затем поехала на такси к подруге и вместе они пришли в полицию. Однако там М. ничего вразумительного сообщить не могла, сообщив лишь, что, вероятно, она убила своего мужа. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза определила, что М. в момент убийства мужа находилась в состоянии физиологического аффекта. Кроме того, у нее были выявлены такие индивидуально — личностные особенности, как повышенная эмоциональная чувствительность, слабый тип нервной деятельности, замкнутость, затрудненность принятия решения в стрессовой ситуации. В постаффектной стадии глубокой психической астении не наблюдалось. Эксперты пришли к выводу, что эмоциональные реакции подэкспертной не достигли глубины физиологического аффекта. Однако сами действия М. отличались внезапностью и импульсивностью. На особенности поведения М. в данной ситуации повлияло имеющееся у нее высокое аффективное напряжение в связи с хронической конфликтной ситуацией в семье, а также низкий уровень ее психической адаптации вследствие общей эмоциональной неустойчивости, которая усугубилась беременностью. Высокая фрустрационная напряженность способствовала дезорганизации ее поведения в исследуемой ситуации и существенно ограничивала свободу воли.

Впоследствии суд, исследовав все доказательства по уголовному делу при вынесении приговора, взял во внимание заключение психолого-психиатрической экспертизы и посчитал возможным, назначить наказание М. условно. Следователем был привлечен специалист - психиатр для формулирования вопросов эксперту, в результате грамотного составления вопросов, был достигнут положительный результат в заключении судебной психолого-психиатрической экспертизы.

Существуют и иные состояния повышенного эмоционального напряжения, которые могут влиять на возможность осознавать свои действия и руководить ими, к ним относятся: стресс, под которым понимается состояние, возникающее у человека в экстремальной ситуации. Его влияние на психическую деятельность неоднозначно и зависит от особенностей стрессогенной ситуации и индивидуально-психологических качеств личности. Также состоянием, влияющим на поведение женщины, является фрустрация, которая характеризуется

наличием стимулированной потребности, не нашедшей своего удовлетворения, это наличие сильной мотивированности к достижению цели и невозможность преодоления препятствий для ее достижения.

Как следует из анализа адвокатской и судебной практики по Удмуртской Республике и Республике Татарстан за 2005–2015 гг., большинство преступлений против личности, женщиной совершается не в обычном психическом состоянии, а при наличии повышенного эмоционального возбуждения и напряжения. Как правило, подобным противоправным деяниям предшествуют ссоры, конфликты, оскорбления. Однако, с обыденной точки зрения, те действия, которые привели к трагическим последствиям, кажутся несущественными. Но для женщины, личность которой в гораздо большей мере, чем у мужчины, подвержена эмоциям, в определенных ситуациях оскорбление, нанесенное конкретным человеком, приобретает повышенную личностную значимость и может привести к непредсказуемым последствиям.

Многие из женщин, совершивших преступление, имеют невротические нарушения, им характерны тревожно — депрессивные состояния. Свойственная женщине, в основном совершившей насильственные преступления против личности, ригидность (застываемость и стойкость психотравмирующих переживаний, нередко достигающих аффективного уровня), а также высокая импульсивность, неспособность адекватно воспринимать и оценивать возникающие жизненные трудности побуждает ее в ситуации фрустрации [5, с. 11], к необдуманному, дезорганизованному, часто преступному поведению.

Однако на фоне длительной фрустрации и нарастающего эмоционального напряжения жертва внутрисемейного террора нередко сама совершает насильственные преступления, направленные на источник агрессии. Важное значение в изучении эффективности психической адаптации, имеет исследование фрустрации. Этот термин употребляется для обозначения психического состояния, возникающего при блокаде актуальных потребностей у индивида. Состояние фрустрации сопровождается различными отрицательными переживаниями: разочарованием, раздражением, тревогой, отчаянием и пр., которые возникают в состоянии конфликта, когда удовлетворение потребности наталкивается на непреодолимые или труднопреодолимые преграды. Возникновение фрустрации обусловлено не только объективной ситуацией, но и особенностями личности [3, с. 220–225]. По дан-

ным опросов, проведенных американским ученым Д. Майерсом, женщина менее терпима к агрессии, чем мужчина [4, с. 234].

Мы приходим к мнению, что в данном случае психология российской женщины идентична психологии американской женщины, и что этнический фактор при этом не играет никакой роли.

Интересны данные психологического обследования в отношении отдельных категорий женщин — насильственных преступниц. Женщина, совершившая убийство своего мужа (сожителя) или причинившая ему тяжкие телесные повреждения, отличается высоким уровнем эмоциональности, упрямства, отсутствием чувства вины или раскаяния в совершенном преступлении. К сожалению, это не всегда учитывается на практике, поэтому, следует особенно внимательно относиться к анализу подобных ситуаций совершения преступлений [8, с. 95–97].

Считаем, с учетом изложенного целесообразно в целях объективного изучения личности женщины следует решать вопрос о назначении конкретного вида судебно-психологической экспертизы. Мотивация преступного поведения женщины определяется особенностями ее личной жизни, которые влияют на ее психофизиологическое состояние. В целях установления объективной характеристики личности женщины — подозреваемой, обвиняемой назначать и проводить экспертизы, связанные с изучением ее личности и необходимо привлекать специалиста для формулирования вопросов эксперту.

Список использованной литературы

1. Свирин Ю. Б. Биологический (генетический) фактор как одно из условий преступного поведения / Ю. Б. Свирин // Российская юстиция. — 1996. — № 12. — С. 23.
3. Криминальная агрессия женщин с психическими расстройствами / Т. Б. Дмитриева, К. Л. Иммерман, М. А. Качаева, Л. В. Ромасенко. — М. : Медицина, 2003. — 248 с.
4. Мамайчук И. И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике : учеб. пособие / И. И. Мамайчук. — СПб. : Речь, 2002. — 255 с.
5. Гомонов Н. Д. Генезис и особенности криминальной агрессии женщин / Н. Д. Гомонов // Вестник Мурманского государственного технического университета. — 2006. — № 1. — Т. 9. — С. 148–153.

6. Тейван-Трейновский Я. С. Оценка социальных факторов и условий девиантного поведения в современном обществе / Я. С. Тейван-Трейновский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 1. — С. 73–81. — DOI : 10.17150/1996-7756.2016.10(1).73-81.

7. Щенина Т. Е. Производство предварительного расследования по уголовным делам о преступлениях, совершенных женщинами : монография / Т. Е. Щенина. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 216 с.

8. Синьков Д. В. Характеристика состояния и структуры рецидивной преступности женщин и некоторые проблемы ее предупреждения / Д. В. Синьков // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2006. — № 6. — С. 95–97.

Информация об авторе

Щенина Татьяна Евгеньевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных наук, Глазовский государственный педагогический институт имени В.Г. Короленко, 427628, Удмуртская Республика, г. Глазов, ул. Первомайская, 25, e-mail: t. post.udm @mail.ru.

Information on the author

Shchenina, Tatyana E. — PhD in Law, Associate Professor, Chair of History and Socially, Glazov State Teacher Training College of V.G. Korolenko, 427628, the Udmurt Republic, Mr. Glazov, Pervomayskaya St. 25, e-mail: t. post.udm @mail.ru.

УДК 343.1

П.О. Преловский

**ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРАВО НА
СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ**

В статье дан анализ исторического развития права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве в мире и в России. Прослеживается история письменной регламентации этого права. Автором обращается особое внимание на Устав Уголовного Судопроизводства 1864 г. и на необходимость учета дореволюционного опыта в процессе современного нормотворчества. Отражается место права на свободу и личную неприкосновенность в современной системе прав и свобод и приводится его характеристика. Делается вывод о значении этого права в жизни общества и государства.

Ключевые слова: право на свободу и личную неприкосновенность, право на свободу, личная неприкосновенность, история уголовного судопроизводства, Устав Уголовного Судопроизводства, УУС, меры пресечения, меры уголовно-процессуального принуждения, заключение под стражу, задержание.

P.O. Prelovskii

**THE EVOLUTION OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL
LEGISLATION GOVERNING THE RIGHT
TO LIBERTY AND SECURITY OF PERSON**

The article analyzes the world and Russian history of the right to liberty and security of person in criminal proceedings. The author notes the Charter of Criminal Proceedings of 1864 and the necessity of using its experience in the contemporary lawmaking. The place of the right to liberty and security of person in the current system of rights and freedoms is de-

fined, and the characteristic of that right is likewise given. The article concludes the significance of this law in the life of society and states.

Keywords: right to liberty and security of person, history of criminal justice, the Charter of Criminal Proceedings, CCP, measure of restriction, measures of criminal-procedural coercion, detention.

Право на свободу и личную неприкосновенность является одним из фундаментальных прав человека, гарантирующих ему нормальную жизнедеятельность. В настоящее время это право, как на международном, так и на государственном уровне, провозглашается многими нормативно-правовыми актами. Однако до своего закрепления во всех этих документах праву на свободу и личную неприкосновенность предстоял определённый путь. Еще в Древнем Риме право на свободу ценилось очень высоко. По римскому закону тот, кто незаконно держал другого человека как раба или обращал последнего в рабство наказывался смертной казнью [1, с. 111]. Достаточно суровое наказание по меркам сегодняшнего дня, но, вместе с тем, оно, свидетельствует о высокой ценности свободы в древнеримском обществе и государстве.

Для науки уголовно-процессуального права наиболее важно недопущение ограничения этого права именно со стороны государства в лице его властных органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Эти органы в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ имеют полномочие в определенных случаях ограничивать право на свободу и личную неприкосновенность, гарантированное ст. 22 Конституции РФ. Письменное закрепление этого права, как и закрепление возможности его ограничения в строго определённых целях в Основном законе, служат гарантом недопустимости произвольного необоснованного применения мер принуждения и являются неотъемлемой составляющей жизни любого цивилизованного общества. Но несмотря на это, такие гарантии в отношении всех без исключения членов общества стали получать свое письменное закрепление в законе лишь в последние несколько столетий.

Право на свободу и личную неприкосновенность впервые было провозглашено в английской Великой Хартии Вольностей 1215 г. В ней закреплялся запрет на арест без законных на то оснований (ст. 39) [2, с. 259]. Вместе с тем, действие этой Хартии распространялось лишь на отдельную социальную группу. Формулировка «свободный

человек» относилась, прежде всего, к английским баронам, которые, устанавливали свой правовой статус в данном документе (см, напр.: [2, с. 259; 3, с. 26–32]). Тем не менее, этот правовой памятник оказал существенное влияние на дальнейшее развитие института свободы и личной неприкосновенности не только в Англии, но и во всем мире. Из права на личную неприкосновенность в дальнейшем развился и принцип презумпции невиновности [3, с. 26–32]. Несколькими веками позднее принцип личной неприкосновенности в Англии был закреплён в 1679 г. в Законе Habeas Corpus Act. В соответствии с этим Законом арест не допускался без соответствующего приказа (habeas corpus) [3, с. 26–32].

В следующем веке важнейшие права и свободы человека, включая и право на свободу и неприкосновенность, были провозглашены и письменно закреплены во Франции и в США. Во Франции в 1789 г. была принята Декларация прав человека и гражданина как итог Великой французской революции, а в США в 1791 г. — Билль о правах. Закрепление так называемых основных прав человека в указанных документах повлияло впоследствии как на основные законы (конституции) других государств, так и на принятие важнейших ныне действующих международно-правовых актов.

Влияние французской революции сказалось и на дореволюционной России. Вдохновлённые её завоеваниями декабристы в 1825 г. выходят на Сенатскую площадь, пытаясь добиться ограничения абсолютной власти царя, а также письменного закрепления вышеупомянутых гарантий. Восстание декабристов, как известно, потерпело поражение, но, вместе с тем, необходимость значительных перемен в России как в социальной, так и в государственной сфере, назрела ко второй половине XIX в. В 1861–1864 гг. проводится множество реформ, в числе которых и судебная. В 1864 г. принимается Устав уголовного судопроизводства (далее — УУС) [4]. В нем было письменно провозглашено право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 8–11 Общих положений УУС). В ст. 8 и 9 УУС содержался запрет на задержание без оснований, указанных в законе, и устанавливалось, что требование о заключении под стражу должно было исполняться только если оно произведено в соответствии с определенной законом процедурой. В статьях же 10 и 11 УУС содержалась обязанность судьи либо прокурора освободить всякое незаконно задержанное лицо, а также их обязанность принять меры к содержанию

лица, пребывающего в «ненадлежащем месте заключения», в установленном законом порядке. Как думается, в этих статьях был закреплён принцип законности при применении мер уголовно-процессуального принуждения. Этот принцип, безусловно, и по сей день имеет огромное значение в уголовном судопроизводстве.

Далее в разделах УУС о производстве в мировых судебных установлениях и в общих судебных местах в ст. 76–84 и 415–432 конкретизировались нормы, ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, устанавливались меры уголовно-процессуального принуждения: взятие под стражу, залог, поручительство, домашний арест, подписка о явке, требование предоставления вида на жительство или поручительства, отдача под особый надзор полиции; для несовершеннолетних же (от 10 до 17 лет) — исправительные приюты, колонии для несовершеннолетних, отдавание под присмотр и в монастырь. Следует отметить, что набор мер пресечения в тот период был достаточно широк, что, как думается, способствовало избранию наиболее адекватной меры в конкретной ситуации. При этом согласно ст. 421 УУС при избрании меры пресечения должны были учитываться не только строгость грозящего наказания, но и многие другие обстоятельства. Показательно и то, что обвиняемому предоставлялась возможность подать жалобу на решение суда о заключении под стражу (ст. 152–153; 496, 499 УУС).

Проанализировав нормы УУС, касающиеся права на свободу и личную неприкосновенность, можно сделать вывод, что лицо, попавшее в поле зрения органов уголовного судопроизводства в период его действия, имело достаточно широкие гарантии соблюдения этого права. Эти гарантии включали в себя: принцип законности при ограничении анализируемого нами права; разнообразие мер уголовно-процессуального принуждения; требование необходимости учёта при избрании меры пресечения иных, кроме строгости грозящего наказания, факторов; право обвиняемого обжаловать избранную ему меру пресечения. Весь этот спектр правовых гарантий, как я полагаю, свидетельствует о высоком уровне как правового сознания, так и развития уголовного судопроизводства в период действия УУС 1864 г. Практически все эти требования и меры прошли испытание временем и сейчас закреплены в УПК РФ. Вместе с тем, именно с проведением судебной реформы и принятием УУС ученые связывают расцвет до-революционной юридической науки [5, с. 28]. Думается, что совре-

менному законодателю ещё предстоит по праву оценить и использовать дореволюционный правовой опыт.

Но все эти дореволюционные завоевания, к сожалению, были сметены сломом сложившегося государственного и общественного уклада в 1917 г. Изменилось уголовно-процессуальное право, а с ним, соответственно, и нормы о праве на свободу и личную неприкосновенность. На смену развитой системе личных гарантий пришло «революционное правосознание». Только за принадлежность к определённому слою общества лицо могло быть подвергнуто ограничению любых общепризнанных в настоящее время основных прав человека. Развитие гарантий этих прав, начатое во второй половине XIX в., было «откинуто назад», а обществу, как выяснилось, пришлось заново пройти путь к их достижению.

Кодифицированного уголовно-процессуального законодательства не было вплоть до принятия УПК РСФСР 1922 г., однако, очень скоро он был заменён на новый УПК РСФСР 1923 г. Последний в ст. 5 закреплял принцип личной неприкосновенности и ее ограничения только в соответствии с законом. В то же время, борьба с «контрреволюцией» продолжалась и 1 декабря 1934 г. вступает в силу Протокол Президиума ЦИК СССР № 112 «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов», а позднее и Постановление ЦИК СССР от 14 сентября 1937 г. «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». В соответствии с этими нормативно-правовыми актами, по делам о террористических актах, а также по другим делам «контрреволюционной» направленности, срок следствия сокращался до 10 дней, а вручение обвиняемому копии обвинительного заключения происходило за 1 день до судебного разбирательства. Назначенное наказание в виде смертной казни исполнялось сразу после провозглашения приговора, возможности обжаловать последний у осуждённого не было. Было создано Особое совещание при НКВД СССР, рассматривающее такие категории дел в упрощенном порядке, что было, разумеется, внесудебным органом, который не был связан никаким уголовно-процессуальным законодательством [6, с. 278].

После развенчания культа личности в 1956 г. был взят курс на демократизацию общества, вышеназванные нормативно-правовые акты ЦИК были отменены, а в 1960 г. был принят новый УПК

РСФСР. В нем провозглашался принцип осуществления правосудия только судом, признать лицо преступником мог только суд. Соответственно внесудебные органы не могли больше рассматривать уголовные дела. Лицо получило реальную возможность защищать себя различными способами, обжаловать решения органов предварительного расследования и суда. А органы предварительного расследования, в свою очередь, должны были, в соответствии со ст. 20 УПК РСФСР, всесторонне полно и объективно исследовать обстоятельства дела. Существенно повысились гарантии личной неприкосновенности (ст. 11 УПК РСФСР 1960 г.), а также прав подозреваемого и обвиняемого. Принятие УПК РСФСР 1960 г., безусловно, стало существенной переменной во всей уголовно-процессуальной политике государства.

Практически в тот же период, что и в Советском Союзе, в Германии, а позднее и в ее странах-сателлитах, были установлены тоталитарные режимы. В период их действия не соблюдалось ни право на свободу, ни право на личную неприкосновенность. Пытаясь перенести расовую теорию на другие страны Германия развязывает Вторую мировую войну, в которой терпит поражение.

Эта война впоследствии явилась катализатором развития и закрепления как в международном праве, так и в праве отдельных государств основных прав и свобод человека. Л.Ю. Казанцев отмечает, что право на личную неприкосновенность, после падения фашистских режимов в Европе, в середине XX в. развивалось как принцип недопустимости государственного произвола в отношении лица [7, с. 28]. Действительно, пройдя через трагические события первой половины XX в., народы как европейских, так и других стран мира, нуждались в письменном закреплении основных прав и свобод человека, а также гарантий не повторения прошедшей недавно мировой катастрофы. Эти права и гарантии постепенно закреплялись в международном праве и в национальном праве отдельных государств. Безусловно, развитие основных прав человека в мире, в том числе и рассматриваемого нами права на свободу и личную неприкосновенность, оказало влияние и на современную Россию. Россией ратифицированы основные международные нормативно-правовые акты, закрепляющие это право. Таким образом, современное нормативное регулирование последнего составляют:

1) Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 3, 9)¹;

2) Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 декабря 1966 г. (ст. 9)²;

3) Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 5)³;

4) Конституция РФ (ст. 22);

5) Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Вместе с тем, на основании вышеописанного исторического развития основных прав и свобод человека, французский юрист К. Вазак в начале 70-х гг. XX в. создал идею деления прав человека на различные поколения. Всего он насчитал три поколения прав, и это деление в науке считается классическим. Деление прав на поколения обусловлено историей их закрепления в международном праве. Они появлялись как результат важнейших событий в новейшей истории и как результат осознания мировым сообществом необходимости письменного закрепления естественных прав и свобод человека. Такое закрепление происходило как в международно-правовых, так и во внутригосударственных актах, нормы которых впоследствии стали общепризнанными. Деление прав на различные поколения также называют генерационным [8, с. 5–10]: оно является одной из основных классификаций прав и свобод в современной юридической науке. Итак, К. Вазак выделял следующие три поколения прав и свобод:

1) личные и политические права и свободы (например, право на свободу слова и печати, на свободу и личную неприкосновенность, на участие в государственной жизни);

Данная группа прав развилась в результате буржуазных революций. Это так называемые негативные права и свободы.

Думается, что, раскрывая понятие негативных прав, необходимо затронуть ещё одну из основных классификаций прав человека — по роли государства. В соответствии с ней права делятся на позитивные

---

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр.

² Международный Пакт «О гражданских и политических правах» от 16 дек. 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

и негативные. Позитивные права — такие права, которые требуют предоставления и обеспечения от государства, т.е. от его властных органов нужны активные действия по предоставлению гражданам этих прав. Это, например, право на бесплатную медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ) и на бесплатное образование (ст. 43 Конституции РФ). Негативными же правами считаются права, которые государство не должно нарушать. Это уже вышеперечисленные права на свободу слова (ст. 29 Конституции РФ), на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), на тайну переписки и телефонных переговоров (ст. 23 Конституции РФ) и другие права. Государство не должно препятствовать их осуществлению. Представляется, что право на свободу и личную неприкосновенность относится более к негативным, так как государство не должно без определенных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ оснований ограничивать лицо.

2) социально-экономические (например, право на труд, на медицинское и социальное обеспечение, на образование);

Развились в результате борьбы граждан отдельных государств за улучшение условий труда и жизни.

3) и коллективные (например, на мир, на развитие государства, на повышения уровня жизни в нём, на благоприятную экологическую обстановку).

Появились в результате Второй мировой войны [9, с. 66–86].

В юридической литературе в настоящее время наблюдается обоснование выделения еще четвертого и пятого поколений прав. Четвёртое поколение связано с развитием науки и техники и к нему относят, например, право на благоприятную экологическую обстановку. Пятое же поколение прав (так называемые в юридической литературе соматические права (от греч. «сома» — тело) развилось в результате той же научной революции, однако оно касается права человека на распоряжение своим телом. Как-то: право на смерть, на распоряжение своими органами и тканями, на смену пола, на клонирование, искусственное оплодотворение, аборт, различные права, касающиеся половой свободы [10, с. 151–167] и другие права. К пятому поколению также относят право на защиту персональных данных, на достоинство человека в связи с появлением новых технологий, на информацию о медицинских методах лечения, применяемых к лицу и другие права. Конечно, вопрос о четвертом и пятом поколениях прав в правовой литературе остаётся дискуссионным. Однако, как думает-

ся, этот вопрос касается более сфер конституционного и международного прав, поэтому подробно в настоящей статье он рассматриваться не будет.

Помимо деления прав на поколения и по роли государства имеются и другие основания их классификации. Так, по соподчинённости между собой права подразделяются на основные (конституционные) и производные. Основными правами считаются такие права, которые закреплены в Конституции РФ, они являются фундаментом для иных прав. Безусловно то, что право на свободу и личную неприкосновенность является основным, фундаментальным. Думается, примером производного от рассматриваемого нами права может являться право на необходимую оборону, так, например, если какое-либо лицо пытается незаконно ограничить свободу либо неприкосновенность лица, то последнее вправе причинить вред посягающему, адекватный нападению. А в случае посягательства на жизнь, для ее защиты не является преступлением причинение смерти нападающему. Таким образом, от закрепленного в Конституции РФ права, могут происходить другие права, которые более подробно раскрывают содержание основного.

Ещё одним из основных оснований классификации прав является их деление по степени распространения. Так выделяют общие и специальные права. Общие права присущи всем лицам без исключения, а специальные принадлежат только отдельным категориям лиц. Правом на свободу и личную неприкосновенность, безусловно, обладают все лица без исключения. В ч. 1 ст. 22 Конституции РФ так и зафиксировано: «*Каждый* имеет право на свободу и личную неприкосновенность».

Таким образом, право на свободу и личную неприкосновенность характеризуется как:

- 1) личное т.е. к естественное неотчуждаемое право, данное человеку от рождения (наряду с правом на жизнь, на честь и достоинство и т.д.);
- 2) основное (конституционное), т.е. является фундаментальным правом закреплённым в Конституции РФ;
- 3) общее, т.е. принадлежит каждому человеку
- 4) и негативное, т.е. государство не должно его ограничивать без оснований, указанных в п. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Это право в России закреплено в настоящее время в главе 2 Конституции РФ, посвящённой правам и свободам, занимая там одно из

важнейших мест, располагаясь непосредственно после прав на жизнь и на достоинство личности (ст. 20 и ст. 21 Конституции РФ). Как мне думается, это свидетельствует о его особой роли. Б.А. Антонович и Е.К. Антонович считают, что право на свободу и личную неприкосновенность является фундаментом всей системы прав и свобод в России, обладает наивысшей юридической силой и подлежит повышенной защите [8, с. 5–10]. С этим мнением трудно не согласиться, поскольку исторический анализ показывает, насколько важно как письменное закрепление этого права, так и его безусловное соблюдение по отношению ко всем без исключения членам общества. Обладание этим правом только отдельными его членами либо привилегированными группами неизменно приводило в мировой истории к трагедиям и катастрофам. Безусловно и то, что это наиважнейшее право, его соблюдение являются неотъемлемой составляющей любого цивилизованного государства и общества. Хочется верить, что и в России право каждого на свободу и личную неприкосновенность будет только укрепляться и развиваться.

Список использованной литературы

1. Сенин О. М. Генезис и эволюция права человека на свободу и личную неприкосновенность / О. М. Сенин // Право и управление. XXI век. — 2009. — № 3. — С. 110–115.
2. Романовская В. Б. Magna Carta Libertatum в контексте современной проблемы прав личности / В. Б. Романовская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2009. — № 5. — С. 258–261.
3. Левчук С. В. Политико-правовые аспекты исторического толкования актуальных положений «Magna Carta Libertatum» 1215 года и «Habeas Corpus Act» 1679 года в Англии в контексте «право-привилегий» и идейных начал принципа «презумпции невиновности» / С. В. Левчук // История государства и права. — 2013. — № 7. — С. 26–32.
4. Устав уголовного судопроизводства : свод. зак. Т. XVI. Ч. 1 / сост. М. П. Шрамченко, В. П. Широков. — СПб. : Изд. юрид. кн. маг. Н. К. Мартынова, 1909. — 1192 с.
5. Литвинова И. В. Исторические предпосылки и основные итоги судебной реформы 1864 года / И. В. Литвинова // Сибирские

уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2010. — № 1. — С. 13–29.

6. Сырых В. М. История государства и права России : учеб. пособие / В. М. Сырых. — М. : Эксмо, 2007. — 464 с.

7. Казанцев Л. Ю. Принцип неприкосновенности личности и сфер её жизнедеятельности в правовом регулировании общественных отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. Ю. Казанцев. — Ярославль, 2003. — 196 с.

8. Антонович Б. А. Права и свободы человека и гражданина в современном мире / Б. А. Антонович, Е. К. Антонович // Административное и муниципальное право. — 2009. — № 10. — С. 5–10.

9. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности : монография / Н. В. Витрук. — М. : Норма, 2008. — 447 с.

10. Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / под ред. Р. М. Валеева. — М. : Статут, 2011. — 829 с.

Информация об авторе

Преловский Павел Олегович — аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Юридический институт, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: ppo-ur@mail.ru.

Information about the author

Prelovskii, Pavel O. — PhD Student of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Law Institute, Baikal State University, Lenin St. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: ppo-ur@mail.ru.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУБЛИКАЦИИ

Уважаемые коллеги!

На кафедрах криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии, а также уголовного права, криминологии и уголовного процесса Байкальского государственного университета формируется очередной номер периодического научного издания «*Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*».

Сборник входит в систему РИНЦ!

Рубрики сборника: *Международные и конституционные основы уголовной юстиции, Уголовный процесс, Криминалистика, Судебно-экспертная деятельность, Оперативно-розыскная деятельность, Трибуна молодого ученого, Особое мнение, Страницы истории, Отзывы. Рецензии, Новинки.*

1. Приглашаем профессорско-преподавательский состав, докторантов, аспирантов к научному сотрудничеству! Научные статьи можно направлять по электронной почте: sib.crim.chtenija@mail.ru.

В целях оперативного опубликования материалов просим оформить статьи в соответствии со следующими требованиями:

2. Объем статьи не должен превышать 8 страниц машинописного текста, выполненного в тестовом редакторе MSWord, 16 шрифтом TimesNewRoman с одинарным интервалом, поля 20 мм со всех сторон. Абзацный отступ — 1,25 см должен быть выставлен автоматически. Форматирование — по ширине. Установка функции переноса обязательна и должна быть выставлена автоматически. Название статьи печатается строчными буквами, жирным шрифтом.

3. Статья должна включать следующие элементы:

- сведения об авторе (ах): ФИО (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (учебы) на русском и английском языках; e-mail, почтовый адрес и индекс, контактный телефон;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (**не менее 100 слов**), ключевые слова (5–6 слов) на русском и английском языках;
- код УДК;
- ссылки на использованную литературу приводятся в тексте в квадратных скобках с указанием номера страницы. При повторном цитировании источника ему присваивается номер первоначального

цитирования. Самоцитирование автора допускается не более 20% от количества источников в списке;

– список использованной литературы (**не менее 10 источников**), оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», помещается в конце статьи. Нумерация в списке литературы осуществляется по мере цитирования. Электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты, материалы судебной практики указываются в постраничных сносках и в список использованной литературы не выносятся.

4. Для аспирантов, магистрантов, студентов к статье прилагается в отсканированном варианте рецензия научного руководителя с его подписью и печатью организации.

5. К опубликованию принимается материал, который при проверке по программе «Антиплагиат», показывает на менее 70 % оригинальности.

Образец оформления статьи

УДК 343.1

И.В. Смолькова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

В статье дается сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Китайской Народной Республики, регулирующего применение мер пресечения, показывается их сходство и различие, сопоставляются российские меры пресечения с аналогичными китайскими: личное поручительство и передача под поручительство до судебного разбирательства; наблюдение по месту жительства, подписка о невыезде и домашний арест. Рассматриваются основания и условия применения мер пресечения по УПК РФ и УПК КНР. Анализируются проблемы

применения залога в качестве меры пресечения. Дана характеристика заключения под стражу как меры пресечения.

Ключевые слова: меры пресечения, передача под поручительство до судебного разбирательства, личное поручительство, залог, домашний арест, наблюдение по месту жительства, заключение под стражу.

I.V. Smolkova

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA GOVERNING THE USE OF RESTRAINT MEASURES

The article gives a comparative analysis of the criminal-procedural legislation of the Russian Federation and People's Republic of China governing the use of restraint measures, are shown together with their similarities and differences, are mapped to the Russian measures similar Chinese: personal guarantee and the transfer bail before trial; the observation of the place of residence, house arrest and house arrest. Considers the basis and conditions for the application of preventive measures in the UPK RF and UPK PRC. Analyzes the problems of applying bail as a preventive measure. The characteristic of detention as a restraint measure.

Keywords: restraint measure, transfer bail before trial, a bail, cash collateral, house arrest, surveillance by place of residence, detention.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [1]. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [2, с. 49]. Текст статьи¹. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи². Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи [3, с. 88].

---

¹ О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 12 февраля 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 2. С. 8–12.

Список использованной литературы

1. Юань И. Сравнительное исследование мер процессуального принуждения по УПК РФ и УПК КНР. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 136 с.
2. Муратова Н. Г., Подольский М. А. Зарубежный опыт принятия судебных решений при осуществлении судебного контроля за законностью расследования уголовных дел // Судья. 2007. № 5. С. 48–52.
3. Рослов против России: Постановление ЕСПЧ от 17 июня 2010 г. (жалоба № 40616/02) // Бюллетень ЕСПЧ. 2010. № 12. С. 87–89.

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; e-mail: kupik@isea.ru.

Information about the author

Smolkova Iraida V. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Proceedings, Honored Lawyer of the Russian Federation, Baikal State University, Lenin St. 11, Irkutsk, 664003; e-mail: kupik@isea.ru.

Выпуск подготовлен в рамках гранта «Пределы ограничения прав личности в уголовном судопроизводстве в целях обеспечения национальной безопасности государства: уголовно-процессуальный и криминалистический анализ», реализуемого в рамках проектной части государственного задания Минобрнауки РФ в 2014-2016 гг. в сфере научной деятельности (Номер задания 29.1247.2014/К).

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 03.08.16. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Усл. п.л. 6,6. Тираж 100 экз. Заказ.

Отпечатано в ИПО БГУ.